

АНДРЕЙ ПЕРЕПЕЛЯТНИКОВ

ЖИСТЬ ТЫ НАША, ЖИСТЬ...

От автора

Наши дни и годы стремительно и неудержимо пролетают так, словно все мы в громадном космическом корабле несёмся через миры и пространства вселенной. Всё происходящее с нами и окружающими нас людьми хорошее и плохое, радостное и трагическое также стремительно остаётся где-то позади. Оно быстро устаревает, блекнет, быстро стирается в записи нашей памяти.

Как хочется затормозить, остановить исчезновение всего того, что тебя окружает. Всё горькое и сладкое, но оно твоё. Хочется жить с ним до конца дней своих. Но это не осуществимо. Может потому и тянется к перу рука, чтобы запечатлеть в памяти прожитое и виденное, лучше прочувствовать и до конца осознать важность тех мгновений из нашей жизни, как бы дольше побыть с ними?

В своей брэнной жизни автор много происходившего с ним и окружающими запечатлевал своим пером. А чтобы не разлетелись его записи в никуда, словно осенние листья под натиском свирепых ветров времени, не растерялись хоть чуточку дольше, он и решил собирать эти записи-снимки в сборники. Очередной такой сборник я и представляю моим дорогим читателям.

Очерки, маленькие повести

Самый обычный генерал

Самый обычный генерал

повесть

1

Познакомился я как-то с очень интересным человеком генерал-майором запаса Соколовым Петром Алексеевичем уроженцем села Суходол Чердаклинского района Ульяновской области. Он кавалер четырёх боевых орденов, многих медалей, ещё четыре заслуженных ордена, им до сих пор не получены. Наградные представления лежат в личном деле не реализованными. За 37 лет военной службы Пётр Алексеевич сменил 13 гарнизонов, места дислокации которых от ныне единой Германии до Приморского края на Дальнем Востоке. Плюс к этому два года войны в Афганистане, 6 лет в мятежном городе Грозный, полтора года в не менее беспокойном Владикавказе, шесть месяцев известная 201 дивизия в составе миротворческих сил в Таджикистане. И только последние шесть лет служба проходила в спокойном регионе – на родине в г. Ульяновске в должности начальника Суворовского училища.

Ни для кого не секрет, как и с каким размахом, устраивают свой быт наши сегодняшние чиновники, в том числе и военные. Свою скромную на 12 этаже в Новом микрорайоне города в Заволжье Пётр Алексеевич построил на свои собственные в жилищно-строительном кооперативе.

Увидевши фото Петра Алексеевича в парадном генеральском мундире с «иконостасом» орденов и медалей я загорелся желанием написать о его ратных подвигах. Но Петр Алексеевич на моё предложение неожиданно для меня заявил:

- Я самый обычный генерал. Никаких подвигов не совершил.

- А боевые ордена? – вырвалось у меня.

- Ордена и медали? – немного помедлив, удобнее усаживаясь на крохотном симпатичном диванчике, ответил вопросом на вопрос мой собеседник, - это самое дорогое, что осталось в память о службе. Понимаете, как бы оправдываясь, произнёс Пётр Алексеевич, я служил, как мне подсказывала моя совесть и всё. Всё, что поручали, старался исполнить во время и как положено. В одном признаюсь, всегда поступал так, как считал сам. Очень многим это не нравилось. Может поэтому до сих пор не получил ещё четыре заслуженных ордена. Но по-другому поступать я не мог. Говорил всем моим начальникам, что если не нравится то, как и каким образом, я поступаю, ставьте другого.

- И ставили? – опять вырвалось у меня.

- Да нет. Самое горячее, всегда разгребать оставляли мне.

Дальше я продолжал и продолжал свои расспросы. А Пётр Алексеевич каждый раз, начиная рассказ о тех или иных событиях, говорил мне:

- Вот вам бы поговорить с таким-то бывшим моим подчинённым, вот он бы вам рассказал.

Заметивши на парадном мундире Петра Алексеевича какой-то необычный орден очень похожий на орден Боевого Красного Знамени, я спросил его, что это за орден и за что даден.

- Этот, и орден Красной звезды получены за Афганистан, - с гордостью ответил генерал.

- А говорите, подвигов не совершал, в боевых операциях не участвовал.

При этих моих словах Пётр Алексеевич локтем опёрся на спинку диванчика, обвёл взглядом крохотную комнатку-кабинет, тряхнул головой, усмехнулся доброй улыбкой и ответил:

- Да, в боевых операциях не участвовал, подвигов в бою не совершил, а ордена получил и не все, какие заслужил.

Как тут было не расспросить подробно о службе в Афганистане, в городе Грозный, в Таджикистане?

Афганистан

1

В этой многострадальной стране Петр Алексеевич служил с 10 августа 1984 по 10 августа 1986 года в должности заместителя командира 201 мотострелковой дивизии. Командовавший тогда дивизией генерал-лейтенант Шаповалов Анатолий Александрович поставил полковнику Соколову задачу: с мотострелковым батальоном 395 МСП, (командир батальона майор Иванов М. И.), расположиться в Андерабской долине и на участке от кишлака Бану до кишлака Багман не пропустить на север к границе СССР бандформирования. В полосе его ответственности пролегал ещё и трубопровод ГСМ для группировки. ВВС.

Первым делом полковник Соколов собрал командиров дислоцировавшихся в долине бандформирований, как у нас тогда называли вооруженные формирования правительственной оппозиции Афганистана, и без особых предисловий сказал им: «Вы не нападаете на наши посты и объекты – мы не трогаем вас. Прозвучит хотя бы один выстрел в наших солдат – пеняйте на себя. Сотрём с лица земли». На эту встречу, Пётр Алексеевич поехал только с переводчиком старшим лейтенантом, без охраны и без оружия. Рассказал полковник бородачам о том, что собирается строить дороги, мосты, линии электропередач, бесплатно лечить больных, оказывать всяческую помощь всем нуждающимся. «Мы пришли с миром», - закончил своё краткое выступление Пётр Алексеевич.

И за весь период службы Соколова в той провинции Афганистана у наших воинов не было ни одного боестолкновения с бандформированиями, не раздалось ни одного выстрела в наших солдат. «Я, - говорит Пётр Алексеевич, - в любое время суток ездил на открытом УАЗике только с переводчиком, сам за рулём, без охраны и без оружия. Так ездили и все мои солдаты и офицеры».

Однажды к Соколову приехал губернатор северной провинции. На аэродром Пётр Алексеевич поехал его встречать на БТРе, с усиленной охраной, как и было ему приказано. Полковник сидел сверху на броне, а губернатор всю дорогу томился внутри машины. Пётр Алексеевич говорил ему: «Вылезай на свежий воздух, не бойся, тут у нас не стреляют». Но тот так и оставался внутри БТРа всю дорогу. Увидел губернатор, что сделали русские солдаты на подведомственной ему территории, и представил Петра Алексеевича к ихнему ордену Боевого Красного Знамени.

- Построили что-то значимое? – спросил я.

- Девять километров линии электропередач от кишлака Бану до крупного кишлака Кафтархана, построили несколько мостов, отремонтировали или привели в порядок дороги, построили несколько школ и прочее, - ответил Пётр Алексеевич. Когда в мечети Кафтархана я лично включил электролампочку, то до самого утра муллы молились за моё здоровье и здоровье всех «шурави»!

- Чтобы построить только девять километров ЛЭП - всему батальону надо работать месяца два-три. А служба? – сказал я.

Пётр Алексеевич усмехнулся, лукаво глянул на меня из-под седеющих густых бровей, потом посерьезнел и продолжил:

- Строили. А службу несли образцово. Заехал я как-то с проверкой на пост охраны трубопровода. Вижу, пост оборудован по всем правилам: окоп для танка и в готовности номер один боевая машина в нём, окопы, траншеи с ходами сообщения для стрелков отделения, жилой блиндаж. Старший поста младший сержант. В жилом блиндаже чистота идеальная. Всё на своих местах, кровати солдат заправлены аккуратно и со вкусом. На самом видном месте висит парадный китель младшего сержанта с двумя орденами Красной Звезды.

«Внутренний порядок у тебя младший сержант, - сказал я начальнику поста, - образцовый, молодец! А как с выучкой подчинённых?»

- Стараемся, - браво отвечает сержант.

Я огляделся окрест. На расстоянии не менее 1600 метров увидел не очень большой камень. Говорю бравому сержанту:

- Давай возьмём грех на душу – израсходуем один снаряд. Дай команду экипажу поразить вон ту цель.

Сержант глянул в бинокль, отдал экипажу соответствующую команду. Башня танка с орудием ожила, вращаясь, на мгновение застыла, и гулко грохнул выстрел. Камень разлетелся в щепень.

Хорошо службу солдаты несли везде, но тот пост меня поразил.

Пётр Алексеевич помолчал, снова глянул на меня из-под бровей и продолжил:

2

- Вам может быть покажется странным, может, будете даже меня осуждать за неправомерные действия, превышение полномочий, не гуманное отношение к местному населению, но что было – то было. Расскажу, как оно было, а там как знаете.

Строили мы в той долине так. Из Союза везли строительные материалы, металл и железобетонные конструкции, трансформаторы и провода, даже электрические лампочки. Ничего ж в этой нищей стране этого не было. В кишлаках полно сильных здоровых мужчин, но никто ничего не делал. Я приезжал в кишлак, собирал молодых мужчин и парней. Мы везли их на стройку, давали инструмент и заставляли работать. Поначалу работали они по принципу «не бей лежачего». Еле-еле здоровенный детина ворочает лопатой или ломом. А мы вокруг них выставляли охрану. И пока не сделают работу - никуда, ни шагу. Через переводчика объясняем, что мост нужен вам, школа нужна вашим детям, электролиния тоже нужна вам. Надо делать. Нам некогда. И потихоньку, потихоньку мужики начинали шевелиться. Быстро поняли, что пока не сделают – будут мучиться на жару. Задания стали выполнять быстро и чётко. Вот и всё.

Наверно подумаете, что помотался я там, в горах Афгана, получил награды, не плохие деньги, а после повышение в должности, да ещё и не доволен тем, что не все награды получил, - глядя мне в упор, произнёс Пётр Алексеевич.

- Нет! - выпалил я, - вам надо было за Афганистан не Красную звезду давать, а золотую. Сколько мальчишек мы там потеряли! Сколько оставили в горах изуродованной дорогостоящей техники, сколько перебили и перекалечили жителей той многострадальной страны! А если бы все наши офицеры и генералы там воевали как вы!? А! Каков бы был тогда исход той войны?

- Ну, везде так, как я, воевать было невозможно. Там же ещё шла война между племенами и родами и за власть, и за землю. Были сторонники поставленного нами президента, а значит наши союзники, но была и вооруженная оппозиция, которая активно поддерживалась через Пакистан Западными странами, нашими противниками. У них к

тому же и были веские основания противодействовать нам в той «интернациональной» миссии.

На это мне возразить боевому генералу было нечем. И, тем не менее, я остался при своём глубоком убеждении, что если бы все наши офицеры и генералы выполняли «интернациональный долг» так, как это делал наш земляк, меньше бы там пролилось крови. А это главное. Всем ведь известно, что когда вошли наши войска в ДРА формирования оппозиции были малочисленны, а вооружены они были по большей части кремниевыми ружьями, со стволами из шестигранника. Внешняя политика нашего государства, непоследовательная политика в отношении различных племен ДРА, способствовали тому, что за короткий срок формирования оппозиции стали многочисленными, а вооружены они стали самым новейшим вооружением, и хорошо обучены воевать. Мы, будучи страной отсталой экономически, страной не способной сполна обеспечить своё население продуктами питания и предметами первой необходимости, полезли устанавливать райскую жизнь в соседнюю страну. Разве могла та авантюра закончиться чем-то иным кроме как поражением? А раз уж туда влезли, то надо было поступать мудрее, не как слон в посудной лавке. Чтобы каждое там наше действие, каждое решение было правильным, не работало против нас, надо было действовать исключительно сообразно тамошней обстановке. А её, ту обстановку, до мелочей знали нёщие там службу Соколовы и младшие сержанты командиры постов. Больше надо было к ним прислушиваться и давать свободы действия.

О правильности этих моих выводов убедительно свидетельствуют и события, в центре которых оказался наш земляк в последующем.

3 Чечня

1

После Афганистана Пётр Алексеевич получает повышение в должности и назначается командиром 42-й мотострелковой учебной дивизии, которая дислоцировалась в городе Грозный. В дивизии обучались для частей Советской армии механики - водители танков, БТР, БМП и прочих боевых машин, готовился младший командный состав.

Сначала служба складывалась очень даже хорошо. Петр Алексеевич получил звание генерал-майора, стал депутатом Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, появились друзья и знакомые. Глава администрации Шалинского района Усамов Юнадий Данилбекович оказался бывшим солдатом танкового полка, в котором Пётр Алексеевич служил командиром роты в Германии. А это по традициям Кавказа уже почти родственник. Очень хорошие отношения сложились у него со многими республиканскими руководителями, депутатами, журналистами и простыми гражданами.

С первых дней службы в этой республике Пётр Алексеевич обратил внимание на то, что на любом совещании у руководства республики, на любом заседании Верховного Совета, какой бы вопрос не обсуждался, разговор обязательно переходил на то, что в свое время чеченский народ не законно подвергся депортации. Это обстоятельство генерала тревожило, заставляло в выступлениях на совещаниях, на заседаниях депутатской комиссии, просто в разговорах с руководством республики и простыми обывателями обдумывать каждое слово, стараться поаккуратней обходить стороной эту болезную для чеченцев тему.

Шли к концу восьмидесятые годы. Во всех уголках Союза кипела перестройка. Все мы помним, с каким энтузиазмом и надеждой народы многонационального государства восприняли решения КПСС и Верховного Совета СССР о демонтаже административно-распределительной системы. Было принято множество важнейших законов таких, например, как закон о гражданстве, о языке, о средствах массовой информации, об общественных объединениях граждан, об индивидуальной трудовой деятельности и многие, многие другие подобные. В то же время принимается Декларация Верховного

Совета СССР о признании незаконными, и преступными акты о депортации некоторых народов. Спусковой крючок демократизации в стране был нажат. Народ это встретил с энтузиазмом. Но партийное руководство страны, первый президент СССР М.С. Горбачёв в тех непростых условиях до последнего стали держаться за старое, пытались в систему тоталитарного режима вставить элементы западной демократии. Хотели, провозгласив демократизацию, кое-что подкрасить, подлатать, придать социалистическому обществу человеческое лицо, а саму сущность общественного строя, все его устои оставить нетронутыми. Но процесс-то уже пошел. Народ требовал решительного продвижения вперед, подлинной демократизации общественной жизни. И затягивание, торможение этих процессов партийным и советским руководством вызывало возмущение широкой общественности, создавало ещё большую пропасть между народом и властью. И в силу ряда ещё и других обстоятельств, процесс реорганизации политического строя в стране вышел из-под контроля КПСС и государственных органов. На основании Закона «Об общественных объединениях граждан», законов «О языках народов СССР», «О свободном национальном развитии граждан СССР...», принятыми Верховным Советом СССР, в Украине и Азербайджане, Абхазии и Осетии стали возникать разного рода фронты, движения, политические партии, конгрессы и прочая и прочая. Бывшие автономии стали провозглашать себя республиками, принимать свои основные законы. Союзные республики стали провозглашать себя сначала подлинно союзными, а потом и независимыми. 12 июня 1990 года о государственном суверенитете заявила Россия. На просторах огромной державы повсеместно пошла суверенизация и борьба за власть. Возникли трения во взаимоотношениях населения республик, пошли вооруженные конфликты, полилась кровь.

В условиях, когда во всех уголках огромной страны пошел, порой стихийно, процесс суверенизации, когда фактически оказалась парализованной центральная власть, что могло хорошего происходить в Чечне?

2

25 ноября 1990 года Общечеченский съезд заявил о независимости республики, а через два дня Верховный Совет ЧИ АССР принял «Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики». После августовского путча в Москве, государственные органы СССР и России оказались парализованными окончательно. В этих условиях Общенациональный конгресс чеченского народа, во главе которого к тому времени стояли З. Яндарбиев и отправленный в отставку генерал-майор войск стратегической авиации СССР Джохар Дудаев, перешел к активным действиям по захвату власти в республике. В августе 1991 года ОКЧН приступил к формированию «Национальной гвардии». Для формирования этих подразделений, вооруженной опоры захватившего власть режима, не брезговали и включением в гвардию представителей криминалитета. 25 августа 1991 года Дудаев посетил колонию строгого режима в г. Грозном ИС 32/2. В ходе встречи с заключёнными он заявил о незаконности их осуждения и содержания в неволе. Вскоре часть из осужденных была освобождена, другие при попустительстве администрации учреждения совершили побег. 200 человек из осужденных этой колонии оказалась в «Национальной гвардии» Дудаева. «Национальными гвардейцами» стали и около 800 уголовников выпущенных по приказу Дудаева из Наурской колонии.

3 сентября того же года, выступая по республиканскому радио, Дудаев заявил, что берёт власть на себя, и будет бороться за самостоятельность республики. Национальные гвардейцы в тот же день захватили здания республиканского телевидения и дома радио. В

последующем Дудаевым и его сторонниками были ликвидированы республиканские органы МВД, КГБ, суды, прокуратура, распущен Верховный Совет республики.

Вот в каком котле оказался командир дивизии генерал-майор Соколов Пётр Алексеевич. Стремление к независимости, полному суверенитету с первых же дней проявили не все чеченцы. Стали активно объединяться и давать отпор взбунтовавшему генералу многочисленные здравомыслящие политики и простые граждане этой республики. Возникла серьёзная оппозиция дудаевскому режиму, которая в свою очередь стала формировать свои вооруженные отряды. Началась самая настоящая гражданская война в республике. Сторонников у органов законной власти, которые к тому времени вынуждены были уйти в подполье, было не меньше чем у Дудаева. Руководству России надо было бы своевременно оказать им соответствующую поддержку. Необходимые силы и средства у федеральных органов власти для этого были. Та же дивизия генерала Соколова, по словам её командира, во мгновение ока могла навести в республике, как потом выражались, «Конституционный порядок». Нужно было руководству России в столь ответственный период, обеспечить боеспособность этого соединения и отдать генералу соответствующее распоряжение. И всё. В Чечне был бы восстановлен закон, в зародыше подавлен сепаратизм, воцарился бы мир и порядок.

3

С началом суверенизации союзных республик, солдаты, офицеры и прапорщики дивизии уроженцы государств, провозгласивших независимость, стали самостоятельно покидать части дивизии. Первыми дивизию покинули более 400 парней из солнечной Армении. Командующий округом генерал-полковник Л. Шустко приказывает Петру Алексеевичу немедленно всех вернуть в части, если он хочет оставаться в должности командира дивизии. (К тому времени преобразованной в учебный центр). Послал Петр Алексеевич своего заместителя в Ереван. Когда полковник Дик А. П. прибыл в штаб Министерства обороны Армении, на посту у входа в здание стоял бывший боец грозненской дивизии, заряжающий рядовой Вартамян. Полковник сказал ему о цели его визита. Тогда Вартамян ткнул в левый бок полковника дуло автомата и сказал: «Я сейчас тебя пристрелю, и мне за это ничего не будет».

Вернулся в Грозный полковник Дик ни с чем. Пётр Алексеевич уговорил его съездить в Ереван ещё раз. Надо ж было как-то выполнять приказ командующего. На второй раз полковник привёз от президента Армении письмо, в котором «мудрому» руководству нашей страны и армии сообщили, что Армения независимое государство и её граждане не обязаны служить в армии государства другого. Через два часа после того, как Пётр Алексеевич по телефону зачитал командующему округом это письмо, ему поступило распоряжение всех солдат, сержантов и офицеров граждан других государств, не желающих больше служить в российской армии, установленным порядком исключить из списков частей и откомандировать к месту жительства.

В течение короткого времени в учебном центре Петра Алексеевича осталось около четырёхсот офицеров и прапорщиков россиян на 5 военных городков, сотни единиц бронетехники, сотни артиллерийских стволов, десятки систем залпового огня и ПВО, сотни тысяч тонн боеприпасов, десятки тысяч стволов стрелкового оружия, сотни тонн ГСМ и прочего и прочего армейского имущества. Пополнение личного состава в учебный центр не поступало.

Ох, как нужны были Дудаевским бандформированиям боевая и автотранспортная техника, стрелковое оружие, артиллерийские орудия. И всё это имелось на территории Чечни, Дудаев и объявил всё это оружие и боевую технику достоянием республики и потребовал ему его передать. Вывозу в другие регионы России содержимого военных

складов, ангаров и военных городков он всеми способами препятствовал, а потом и категорически запретил.

О ситуации в Грозном Пётр Алексеевич до мельчайших подробностей докладывал военному руководству, а, видя его неспособность принимать какие-то нормальные решения, написал подробное письмо даже Генеральному прокурору России. Но и оттуда получил письмо, свидетельствовавшее, что и там расписались в своей недееспособности. Впрочем, в такой ситуации оказался не только генерал П.А.Соколов. В своей книге «Ельцин и его генералы» Записки полковника генерального штаба В.Н. Баранец пишет: «Командующие военными округами и флотами, группами войск почти непрерывно обращались в МО с просьбами о помощи. Одновременно в Кремль, в правительство шли просьбы и жалобы (на военачальников А.П.) руководителей союзных республик, стремившихся отхватить куски военного имущества, оружия и боевой техники побольше... Снаряжаемые министром многочисленные комиссии в военные округа и на флота не могли приостановить процесс растаскивания вооружений и приватизации объектов на территории суверенных республик. Старая власть умирала. Новая - азартно делила кабинеты и должности в Москве и на местах. Было не до армии». Растаскивалось оружие, боевая техника, боеприпасы целых военных Округов в Средней Азии, в Закавказье, в Украине, Белоруссии. А тут какой-то учебный центр. До него ли?

Видя бездействие российских властей, Дудаев не дремал и приступил к захвату автотранспорта, и военных складов, имущества военных городков учебного центра явочным порядком.

Несколько раз Пётр Алексеевич встречался с мятежным генералом. Предупредил его, что если его орлы ползут в склады боеприпасов и оружия, будет открываться огонь на поражение. Тогда Дудаев приказал взять склады и военные городки под охрану его формированиями, якобы для того, чтобы не допустить кровопролития. А Пётр Алексеевич приказал подходы к складам заминировать. Чеченцы подумали, что Соколов блефует, и для проверки погнали на склады стадо коров. Прогремели взрывы, чеченцы на время оставили склады в покое, а Пётр Алексеевич, тем временем, приказал заминировать склады и ангары с техникой. Управление подрывом продублировали дважды: электродетонаторами с кнопкой в штабе дивизии и бикфордовыми шнурами из караульного помещения охраны складов. Дудаев и его окружение понимали, что если верные присяге российские офицеры, нёсшие службу по охране складов и техники, взорвут склады – от Грозного и его новых правителей не останется даже мокрого места. И тактику захвата с женщинами и детьми впереди своих «боевых» подразделений применявшуюся при грабежах городков, к захвату складов и боевой техники не применяли, и больше туда не совались.

4

Но в Грозном были и другие части. При захвате их военных городков, оружия и боевой техники чеченцы действовали более решительно. Подполковник внутренних войск С. Демиденко, командир специальной моторизованной части внутренних войск, свидетельствует: «В моей части, так же как и в других, что располагались в Чечне, стали появляться решительные «полномочные представители» при охране, вооруженные и с мандатами Дудаева, нередко написанными от руки. В этих бумагах было написано, что президент ЧР отстраняет от командования наших офицеров, приказывает сдать оружие и технику, и требует покинуть территорию суверенной Чечни... Естественно, никто ничего и не думал отдавать этим самозванцам... Уговорами, всякими посулами и угрозами нас выкурить не удалось. Дело всё-таки дошло до штурма... Бились врукопашную. Почему не стреляли? Язык не поворачивался дать такую команду. Отбили одну атаку, вторую... Докладывали «наверх»: «Лезут через столовую, один солдат ранен... Громят кассы, пятеро раненых... Подожгли крышу, больше десяти раненых...» Оттуда только: «Ты держись...» Во время одной короткой передышки солдаты мне, командиру втолковывали

одну, открывшуюся им ужасную истину: «Понимаете, мы никому здесь не нужны, нас все бросили...» Продержались мы сутки. На следующий день нам привезли распоряжение от нашего командования о передаче техники, вооружения, имущества части... МВД Чечни».

В городе Владикавказе в готовности номер один стояла 19 МСД, командир которой заявил Петру Алексеевичу, что если поступит приказ, он через два часа будет в Грозном, возьмёт под охрану и обеспечит вывоз всего вооружения и боеприпасов в безопасное место. Но приказа такого ему никто так и не отдал.

7 ноября 1991 года президентом России Б.Н. Ельциным, наконец, был издан указ «О введении чрезвычайного положения в Чеченской республике». Осуществить мероприятия по введению чрезвычайного положения предполагалось силами МВД России. Были подготовлены, а из-за неразберихи в руководстве МВД, только частично введены в Грозный части МВД. Дудаев отменил не утверждённый Верховным Советом России указ о введении чрезвычайном положения в Чечне и объявил о введении военного положения в республике. Его вооруженные формирования под прикрытием толп мирных граждан, в том числе женщин и детей, блокировали военные городки армии и МВД в городе и аэропорту. В аэропорту Ханкала мгновенно собралась толпа более 4.5 тысяч человек и блокировала там 500 прибывших военнослужащих внутренних войск. В аэропорту г. Владикавказ несколько суток походной колонной стояли и ждали приказа на переброску в Грозный части и подразделения союзного ОМСДОНА и приданных ему сил. Приказа так и не последовало.

Кое – что в тех невероятных условиях Петру Алексеевичу с его верными присяге подчинёнными вывезти из Грозного всё-таки удалось. Половину вооружения, в том числе и тяжелого, поступило разрешение, а в тех условиях читай приказ, Министра обороны Павла Грачёва передать Дудаеву.

В ответ на притязания бандита к выходу из состава России, на заявления, что главным врагом чеченского народа является Россия, многочисленные миссионеры из Москвы заявляли об уважении стремления чеченского народа к суверенитету, свободе, процветанию и уступали, уступали, уступали в бесконечных притязаниях генерала. Вот как в тех непростых условиях действовало новое руководство России.

5

Мне могут возразить, что с вершины сегодняшнего дня легче оценивать ту ситуацию и говорить правильно ли поступали высшие должностные лица России и руководство министерства обороны в отношении Чечни. Частично согласен. Время было очень и очень сложное. Мы столкнулись с эпохальным, не виданным ранее событием – крахом такой державы, каковой являлся Советский союз. Никто в одночасье не мог освободиться от образа мышления советского человека. Младые руководители России наивно считали, что демонтаж административной системы автоматически установит в стране законность и порядок. Думали, что демонтаж административной системы, устранение от власти правившей в стране КПСС автоматически превратит Россию в цивилизованное, правовое государство. Но, как показала практика последних лет, годы социализма для нашего народа не прошли даром. У очень многих россиян, в том числе и высокопоставленных военных, в первые же месяцы жизни в «новой России» проявились не самые лучшие человеческие качества.

Бывший в то время министром обороны СССР маршал Евгений Шапошников писал: «Зная социальные трудности, переживаемые армией (Офицерский состав месяцами не получал денежного довольствия. Солдаты мних частей голодали - А.П.), и, не видя должной реакции высших государственных органов на мои обращения, я направил в войска директиву о хозяйственной деятельности в ВС...»

Этой директивой командованию частей и соединений министр разрешил реализацию излишков автотранспортной техники, разного рода вещевого имущества, разрешалась в интересах получения средств для частей и некоторая коммерческая деятельность. Хотел

человек сделать как лучше, но получилось-то, говоря словами В. Черномырдина, «как всегда»...

В уже упоминавшемся издании о том, что происходило в армии после выхода в свет указанной директивы, В.Н. Баранец пишет: «Армию захлестнула эпидемия «предпринимательства». В товар превращались не только списанные грузовики или залежавшиеся на складах кирзовые сапоги. В ход шли патроны и пистолеты, автоматы и даже бронетранспортёры, но на армейские счета не поступало и половину вырученных сумм. ...На продажу шло буквально всё, что могло дать навар, что учитывалось и не учитывалось. Армия явно перепутала бизнес с воровством».

Вот такая беда в то самое время свалилась на нашу армию. Но были и другие беды, негативно влиявшие на её управляемость и боеспособность. Например, кадровая чехарда. Тот же В.Н. Баранец в том же издании пишет: «Август (1991 после путча- А.П.) стал началом кадровой чистки в армии. Убирались высочайшие профессионалы, беззаветно преданные Отечеству люди, орденосцы, ветераны афганской и других войн. В рядах командного корпуса образовывались бреши. А на вакантные должности часто назначались генералы, ещё не дозревшие до головокружительных высоких постов».

Это обстоятельство также отвечает на вопрос, почему бездействовали власти и высшее военное руководство там, где действовать надо было решительно и твёрдо. Были в Российской армии офицеры и генералы верные присяге и долгу сыны отечества нашего, такие как наш земляк Пётр Алексеевич Соколов. Они знали, как надо и были готовы решительно действовать. И, возможно, прислушайся к их докладам, их предложениям, требованиям новоиспеченное высшее военное и политическое руководство СССР и России, ситуация на нашем Северном Кавказе во второй половине 90-х, да и по сей день, была бы иной.

Позволим себе привести свидетельские показания подполковника Николая Павлова комиссии, расследовавшей причины передачи Дудаеву оружия и боевой техники:

«Я в то время служил в штабе дивизии, поэтому был в курсе всех событий. Знал, какая информация исходила от нас в округ и в Центральный командный пункт Вооруженных сил, знал о приезде к нам всех крупных военных тузов. Свидетельствую, что, начиная с середины 1991 года командование нашей 42-й гвардейской мотострелковой дивизии, позже преобразованной в 173-й окружной учебный центр, постоянно информировало командование Северо - Кавказского военного округа о необходимости срочного перебазирования складов с оружием и боеприпасами. Рапорты направлялись на имя командующего СКВО генерал-полковника Л.Шустко, его первого заместителя генерал-лейтенанта И. Строгова. Неоднократно был свидетелем телефонных рапортов нашего комдива генерал-майора П. Соколова окружному начальству, а однажды и лично начальнику Генерального штаба генерал-полковнику В.Лобову. А как-то даже позвонил министр обороны маршал Е.Шапошников. Комдива тогда не было на месте. Докладывал наш начальник штаба М. Старенков. Во всех этих рапортах и докладах основной была мысль: заберите отсюда оружие. Нельзя его здесь оставлять, иначе будет беда. В ответ всегда звучало одно и то же: « Вопрос решается политическим путём. Когда будет нужно, тогда и заберём».

6

28 мая 1992 года Министр обороны П. Грачёв, как уже говорилось выше, отдал распоряжение командующему СКВО «передать Чеченской Республике из наличия 173 гв. ОУЦ боевую технику, вооружение, имущество и запасы материальных средств в размерах: боевую технику и вооружение – 50%, боеприпасы – 1-2 %, Автомобильную, специальную технику и запасы материальных средств, (к тому времени уже в основном захваченное чеченцами - А.П.), реализовать по остаточной стоимости на месте».

В Грозный на аэродром прибыли транспортные самолёты, и генерал Соколов начал отгрузку остававшейся половины оружия и боеприпасов. Один старший прапорщик,

участвовавший в погрузке самолётов, упоминавшейся выше комиссии свидетельствует: «В первый день ушло самолёта четыре. На второй день начали с ещё большей нагрузкой. Нагрузили самолётов десять. На третий день хоть и устали, но начали тоже хорошо. Но в половине дня работы приостановились. Об отгрузке оружия узнал Дудаев, самолёты блокировал и пригрозил, если не остановим отгрузку, самолёты будут взорваны. Начались переговоры. А тут канал московского телевидения устами диктора Т. Митковой объявил о возможном вводе в Грозный десантных подразделений Российской армии. (Новое «мудрое» руководство страны и вооруженных сил при подготовке важнейших военных операций стало на весь мир заблаговременно, и ни как иначе, о них сообщать.- А.П.) Что тут началось! Территорию военных складов заполнили толпы чеченцев и не давали проехать ни одной машине. Поступило распоряжение от заместителя командующего округом передать всё оставшееся вооружение и боеприпасы чеченцам. Нам перед строем зачитали приказ, мы покинули склады».

Кроме оружия и техники 173 учебного центра СКВО Дудаеву досталось оружие и техника 903 зенитного ракетного полка и управления радиотехнического полка ЗакВО, 382 учебного авиаполка Ставропольского высшего военного училища лётчиков и штурманов ПВО. На военных складах Советской Армии хранился мобилизационный запас для развёртывания двух мотострелковых дивизий. Дудаеву досталось вооружение конвойного полка и некоторых других подразделений МВД. А также оружие и боеприпасы, вывозившиеся из ... Монголии.

У 173 ОУЦ дудаевцами было захвачено:

Танков		42
БМП		34
БТР		3
МТЛБ		44
Орудий и миномётов		145
Зенитных средств		15
Автомобилей	около	500
Стрелкового оружия	около	40 тыс. стволов
Запасов материальных средств		60 тыс. тонн
По войскам ПВО:		
Радиолокационных станций		23
Стрелкового оружия		939 стволов
Боеприпасов		319.5 тыс. шт.
Автомобилей		304
Запасов ГСМ		48 т.

Сегодня мы все хорошо знаем, чем обернулась дудаевская авантюра для чеченского народа, для России в целом. И на фоне всего этого действия генерала Соколова и его подчинённых предстают как подвиг патриотов России, до конца исполнивших свой воинский и гражданский долг.

Давая оценку действиям генерала Соколова, мы учитываем и события, происходившие в Чечне несколько лет позже: попытку в последние дни 1995 года ввести войска в г. Грозный и установить в республике конституционный порядок военной силой. Хорошо помним позор поражения в той кампании, и знаем, что некоторые офицеры и генералы, не выполнившие поставленные перед ними задачи, порой игнорировавшие приказы военного руководства страны, сегодня обвешаны орденами, занимают высокие государственные посты и без зазрения совести похваляются своими «героическими» поступками. А Соколовы, с честью исполнившие свой воинский долг в трудные месяцы становления у власти дудаевского режима, трезво оценивавшие ситуацию в Чечне, предлагавшие, и имевшие возможность и желание ещё в то время навести в многострадальной республике порядок, безумными приказами из центра были скованы в

своих намерениях, тихо отстранены от решения задачи наведения правопорядка. Сегодня их поступки уже и преданы забвению.

Кстати, во время подготовки и попытки штурмом взять Грозный, командовавший в то время Ульяновским Суворовским училищем генерал-майор Соколов, рассуждая по логике, с минуты на минуту ждал приказа выехать на Кавказ. Вызов затягивался, и он через знакомых офицеров и генералов сам предложил высшему военному руководству свои услуги. Он ведь досконально знал г. Грозный и тамошнюю ситуацию, знал большое количество противников Дудаева из числа местных жителей, готовых вместе с российскими войсками с оружием в руках сражаться с режимом, ввергшим чеченский народ в кровавую мясорубку. Призыва Соколову так и не последовало.

Город Грозный генерал Соколов покинул в 1992 году только тогда, когда вывез в Россию семьи офицеров и прапорщиков, когда во исполнение приказа министра обороны передал оружие, боеприпасы и имущество руководству Чечни, покинул по приказу командующего Северокавказским военным округом на присланном за ним самолёте. До аэродрома генерала вёз на своём жигулёнке друг чеченец. Несколько раз автомобиль останавливали вооруженные национальные гвардейцы Дудаева, придирчиво проверяли документы и каким-то чудом пропустили таки его на аэродром.

7

После Чечни полтора года Пётр Алексеевич командовал Общевоинскими военными училищами в городе Владикавказ.

Казалось бы, что служба на новом месте должна бы быть спокойнее, нежели в Чечне. Но дело в том, что уже около года там бушевал острейший раздор между осетинами и ингушами.

В конце июля 1992 года Пётр Алексеевич приступил к исполнению обязанностей начальника учебного заведения. В то время ещё сохранялась напряжённая тишина. В сёлах Пригородного района локальные конфликты возникали, но в целом правоохранительные органы ситуацию контролировали. А 31 октября повсеместно начались вооруженные столкновения, полилась кровь. Министр обороны Павел Грачёв в штабе 42 армейского корпуса собрал экстренное совещание командования гарнизона. Генералу Соколову он поставил задачу: к востоку от Владикавказа, в районе села Тарское силами двух батальонов курсантов старших курсов перекрыть горный перевал. Не допустить проникновения вооруженных формирований противоборствующих сторон на территорию друг - друга. Восемь месяцев курсанты училища выполняли поставленную задачу. В тех нелёгких условиях горной местности надо было организовать не только несение боевого дежурства на постах. Надо было обеспечить курсантам элементарный быт, надо ж было хоть как-то вести и учебу. Кстати, для занятий по тактике ведения боя условия были идеальные.

Выполнение непростой задачи облегчало то обстоятельство, что в непосредственном тылу позиций курсантов, в селе Тарское, сохранялся мир. Село расположено на берегу горной реки Камбилеевка. На одном её берегу жили осетины, на другом ингуши. Чтобы сохранить мир и покой в селе, старейшины решили осетинам поселить своих детей в семьях ингушей, а ингушам своих детей поселить в семьях осетин. Мир в селе воцарился прочно.

Только в июле 1993 года курсанты вернулись в стены училища, а в августе месяце поступил приказ о ликвидации училища. Два с лишним месяца Пётр Алексеевич занимался расформированием заведения, а затем был выведен за штат. 31 декабря он получает телеграмму из управления кадров Сухопутных войск с распоряжением четвёртого января 1993 года прибыть в штаб сухопутных войск и получить новое назначение.

4 Таджикистан

1

К тому времени сильно осложнилась обстановка в Таджикистане, особенно на юге, на границе с Афганистаном. Южные границы Таджикистана и Туркмении охраняли наши пограничники, так как ни в Таджикистане, ни в Туркмении, ни в одной другой Среднеазиатской республике не было ни сил, ни средств осуществлять это. Без наших погранзастав на бывших южных границах СССР, Россия со стороны средней Азии была бы открыта всему миру полностью. Ведь новые границы России от Каспия до Китая нашими пограничниками ещё не охранялись. А в Киргизии, Узбекистане и особенно в Таджикистане в то самое время шли кровавые междоусобные войны. Особенно тяжелое положение складывалось в Таджикистане. Правительственные войска этой республики только формировались, были не обучены, слабо вооружены, а им противостояли группировки разного рода новоявленных лидеров. Вооруженная оппозиция на недолгое время даже захватывала столицу республики.

В этих не простых условиях руководство Таджикистана обратилось за помощью к Содружеству независимых государств, образованному на развалинах СССР. Было принято решение об оказании помощи этой молодой республике. И вот на базе ещё к тому времени дислоцировавшихся в Таджикистане войсковых частей российской армии, формируются формировались, обучались, вооружались, а затем перебрасывались в Таджикистан и другие Среднеазиатские республики отряды партии «Исламского возрождения», других оппозиционных сил и разного рода баев. Одним словом, обстановка здесь была до боли знакомой Петру Алексеевичу по Чечне, с той лишь разницей, что то была территория России. Рядом было, хоть и бездействовавшее, наше военное и политическое руководство, группировки наших боевых частей, на помощь которых была хоть какая-то надежда. А здесь твои действия ограничены мандатом миротворца, впереди враждебный воюющий Афганистан, в тылу охваченная междоусобицей Средняя Азия. Эти силы разъединяет жиденькая цепочка наших пограничников, да силы миротворцев. А до России тысячи километров.

2

Наш земляк в той обстановке принял решение: действовать быстро, решительно, оружием главного калибра сделать дипломатию, опираться на здоровые силы, прежде всего на простой народ. Силы миротворцев и пограничников держать готовыми к возникновению любой ситуации.

В первые же дни Пётр Алексеевич встречается с главарями оппозиции на их территории, в инженерном отношении подготовленной к ведению боевых действий. Предлагает руководителям оппозиционных движений и полевым командирам опорные пункты немедленно ликвидировать. С высот, с перевалов убрать посты, артиллерию и бронетехнику. В противном случае все посты будут немедленно уничтожены.

Затем с губернатором провинции Шабозовым и полномочным представителем президента Таджикистана в провинции на базе 117 Московского погранотряда Пётр Алексеевич срочно собирает совещание, на которое пригласил представителей всех противоборствующих сил. В течение пяти часов бесконечных споров и дискуссий на том совещании принимается совместный план действий из пяти пунктов:

- незамедлительно прекратить распри и боевые действия;
- разблокировать хлебозавод и восстановить его работу;
- с горных вершин и перевалов снять все посты;
- на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, не выполнения кем-либо достигнутых договорённостей принимать к нарушителям самые жесткие меры по принуждению к выполнению достигнутых договорённостей;
- приступают к работе местные органы власти, милиция, суды и прочие органы.

С большими потугами, но принятые договорённости всеми враждовавшими силами, начали выполняться.

Когда в Горный Бадахшан прибыл гуманитарный обоз продовольствия из России и был разослан по всем селениям и кишлакам, жители воспрянули духом, поверили в великую Россию. И это оказалось главным.

Штаб генерала Соколова, и он сам в первую очередь, практически, превратился в Третейский суд. С утра до глубокой ночи приходилось принимать полевых командиров, представителей восстанавливавшихся органов власти, ходоков из кишлаков и просто жителей. Генерал всех терпеливо выслушивал, успокаивал, обещал немедленно принять меры, и всегда делал это. Вчерашние враги в одночасье не могли превратиться в друзей и проникнуться друг к другу доверием. Магомед жаловался на невыполнение договорённостей Махмудом. Махмуд, в свою очередь, не верит, что Магомед разоружил и распустил свой отряд полностью, что где-то, что-то сосед спрятал и готовится к нападению. И так далее, и так далее. И так каждый день и час.

До мелочей продуманная работа скоро дала свои результаты. Наш земляк в очередной раз одержал победу без стрельбы и кровопролития, успешно выполнил поставленную перед ним задачу.

Шесть месяцев службы в пылавшем пламенем междоусобных войн Таджикистане заполнены были напряженной, опасной работой. Населённые пункты, примыкавшие к зоне ответственности 117 Московского погранотряда, миротворцы под руководством генерала Соколова разоружили, восстановили органы местного самоуправления, перекрыли каналы контрабанды, открыли пункты, через которые стали возвращаться беженцы из Афганистана.

Но обстановка, тем не менее, оставалась сложной и взрывоопасной. Наши миротворцы знали, что на территории соседнего Афганистана ещё дислоцировались многочисленные отряды непримиримой оппозиции Таджикистана. Отряды эти были хорошо обучены, вооружены новейшим натовским оружием, постоянно устраивали провокации на границе. Кроме того, и в самом Таджикистане не всем по душе было установление мира и порядка. Многие, очень многие не добились того, к чему стремились, за что ещё вчера воевали. Эти силы в определённых условиях и при соответствующей обстановке могли немедленно активизироваться, взяться за оружие, ударить миротворцам, как главной силе помешавшей им добиться своей цели, в спину.

Поэтому Пётр Алексеевич не сидел, сложа руки, упиваясь достигнутым. Он колесил и колесил по провинции, встречался, разговаривал, вникал и решал большие и малые проблемы жителей, миротворцев, пограничников. В самом конце своей командировки в Таджикистане он объехал с проверкой заставы погранотряда. Побывал и на 12-й, через несколько недель героически принявшей неравный бой с рвавшейся через границу крупной бандгруппой.

На груди Петра Алексеевича красуются несколько медалей, которыми награждают пограничников России. Они получены нашим земляком за успешное выполнение миротворческой миссии на самой южной границе бывшего СССР. В память об этом он хранит, подобранный там, ставший никому не нужным отлитый из металла знак с гербом бывшей державы. Такие знаки до распада СССР красовались на пограничных столбах её тысячекилометровых границ.

5 Ульяновск

1

В то время, когда Пётр Алексеевич служил на Кавказе, формировалось наше Ульяновское Суворовское училище. После года его существования в декабре 1992 года я

опубликовал статью, в которой обозначил многие острые проблемы этого учебного заведения. Я попытался разобраться - в формах и методах работы с детьми. Мне, например, было непонятно зачем при живых, здравствующих, порой преуспевающих родителях, проживающих здесь же в Ульяновске, мы их детей помещаем в казармы. Попытался я тогда обозначить и ряд других проблем нашего и других Суворовских училищ России.

С первых дней работы над настоящим очерком, я сознательно не говорил Петру Алексеевичу о том, что я давно знакомился и писал о нашем ульяновском Суворовском в областной газете. И вот, когда основной текст очерка был готов, и мне осталось несколько слов сказать о годах службы Петра Алексеевича в должности начальника Ульяновского Суворовского училища, я дал ему прочесть ту мою статью. Пётр Алексеевич с интересом погрузился в чтение, а я, сидя напротив, стал внимательно наблюдать за ним. Дочитав до конца газетную статью, Пётр Алексеевич неожиданно для меня сказал:

- Жаль, что вы у нас тогда не служили! Все, с кем я тогда служил в училище, ребята отличные. Я ими горжусь и благодарен им за совместную службу, но не помешали бы и вы. Много сил пришлось приложить на искоренение в работе с детьми казёнщины, какого-то уставного формализма, граничащего с солдафонщиной в работе некоторых офицеров подразделений. Вы, я так думаю, были бы моим единомышленником.

Изучив положение дел в училище, Соколов с первых дней поставил себе задачу в воспитательной работе с детьми искоренять те методы, какие надо применять в работе с солдатами. Эта болезнь многих офицеров и прапорщиков объективна, ведь все ж туда пришли из воинских частей. Офицеров воспитателей специально для суворовских училищ никто не готовит по сей день. По инициативе Петра Алексеевича, например, училище стало проводить выпускные вечера с привлечением детских, студенческих, разного рода молодёжных коллективов города. Наши суворовцы с тех пор изучают бальные танцы и танцуют с девушками на выпускных вечерах на городской площади Ленина. Как это здорово! Сколько народа собирается на эти выпускные балы!

Однажды во время такого балла к Петру Алексеевичу подошла помощница тогдашнего главы региона Юрия Фоловича Горячева и шепнула ему, что её шеф просит генерала зайти к нему на минутку. Когда Пётр Алексеевич поднялся в кабинет, его хозяин стоял у окна. Не глядя на вошедшего генерала, он только и сказал: «Молодец, здорово, спасибо!»

Пётр Алексеевич возмутился тем, что мало кто в училище знал историю своего учебного заведения. Суворовцы, да и большинство их воспитателей не имели представления о том, кто и когда построил их учебные корпуса и казармы, какие учебные заведения были в его стенах и кого готовили. Военная школа, кстати, в том военном городке была основана ещё 1874 году. Как же можно воспитывать из мальчиков патриотов России без этих знаний. Пришлось срочно ситуацию исправлять. Генерал Соколов даже велел оформить специальный стенд с фамилиями всех начальников военных заведений, располагавшихся в стенах нынешнего Суворовского училища. Кстати, его фамилия в том списке из 24 человек на сегодняшний день предпоследняя.

Ознакомившись с коллективом училища и узнавши, что военный оркестр учебного заведения лучший в Приволжском военном округе и не последний в вооруженных силах страны, Пётр Алексеевич решил послать своих музыкантов на фестиваль духовых оркестров в Польшу. Но на это надо было найти сто тысяч рублей. Он позвонил главе администрации области Юрию Фроловичу Горячеву и попросил принять его. Выслушав генерала, Горячев на минуту задумался, потом резко повернул голову в сторону Петра Алексеевича и сказал: «А ты знаешь, что область завтра может быть объявлена банкротом? На счетах нули. Подошли сроки платить по кредитам».

На несколько минут в кабинете воцарилась гнетущая тишина. Собеседники молчали, не глядя друг на друга. Потом Юрий Фролович вызвал свою помощницу и, не глядя в её сторону, сказал: «Надо найти сто тысяч и послать вот его музыкантов на международный фестиваль военных оркестров в Польшу».

В городе Краков оркестр выступил с триумфом и привёз приз за первое место. На фестивале присутствовал весь генералитет Польши и все, аккредитованные в Варшаве, военные атташе. Вручая нашему оркестру приз за первое место, министр обороны Войска Польского на чистом русском сказал: «Испытал огромное удовольствие, молодцы!» Потом оркестр посетил подобные фестивали, проводившиеся в Ганновере (Германия), в городке Морж (Швейцария), в Вильхраин (Франция). Во всех этих странах наши музыканты также заняли первые места. Везде кроме конкурсных состязаний ребята давали концерты, на которых исполняли служебно-оркестровый репертуар, классику и русские народные мелодии. Как тепло принимали зрители наших музыкантов, какой гордостью наполнялись их сердца за Россию, которую они представляли!

- Мне очень стыдно за инцидент прошлого года, - говорит Пётр Алексеевич, - когда скорее по недосмотру ребят, одного мальчика не приняли на учёбу по состоянию здоровья. А военный Комиссар области, откуда он приехал, назначил мальчишке новую проверку его здоровья. Была доказана несостоятельность заключения ульяновских военных медиков. И мальчишку вернули в училище чуть ли не через прокурора. Ни каких правонарушений прокурор в действиях должностных лиц училища не обнаружил, но случай ведь место имел. Подумать-то могут сегодня всякое. Хоть я уже семь с лишним лет не начальник этого учебного заведения, но мне неловко.

«Вот он, весь тут «необычный», хоть и говорит, что самый обычный генерал. Если бы все наши генералы и офицеры были таковыми, другой облик бы имела наша армия» - сказал я себе.

Наше мнение с генералом совпало в том, что никакая техника и вооружение, никакое денежное довольствие офицерам, солдатам и пенсионерам не сделают армию боеспособной, отвечающей духу сегодняшнего дня без надлежащих кадров. Мой собственный, и особенно опыт боевого генерала, прошедшего горнило службы в самые тяжелые годы переходного периода, говорит о том, что ставку от командира отделения до министра обороны надо делать на спецов, людей глубоко преданных России, людей порядочных, честных, имеющих честь, совесть и достоинство. Только так! Без этого в нашей стране не будет боеспособной, хорошей армии. Будут не устраняться, а наоборот укореняться разного рода негативные явления, такие как дедовщина. Алкаши, прожигатели жизни, взяточники и те, кто в сегодняшних военных вузах обучается за взятку, всё разворуют, разрушат и без конца болтовнёй нашу армию будут реформировать. К сожалению, на последнем приёме в Кремле выпускников военных академий и военных университетов, президент, он же и Верховный главнокомандующий, в напутственной речи выпускникам о высокой чести офицера не сказал ни слова. А зря!

В армии, как и во всей стране, надо своевременно, грамотно и продуманно принимать решения по назревшим вопросам, не плестись в хвосте событий и, как пожарники, тушить, когда горит. Надо видеть, как в шахматах, ходов, эдак, на десять вперёд и действовать, действовать, действовать. Тогда не надо будет в пожарном порядке расходовать громадные средства на проведение реформ, а жить армия будет спокойно, без потрясений, хорошо обученной и вооруженной, способной в любое время пресечь любые посягательства на наши интересы и территорию.

2

Задал я Петру Алексеевичу и вопрос о том, как отдыхается ему на пенсии.

- Да как может отдыхаться? Нормально, - легко усмехнувшись, ответил на мой вопрос генерал. Одно плохо – живём с Галиной Владимировной вдвоём. С ней в мире и согласии живём более сорока лет. Все военные городки, все казённые углы прошла вместе со мной. Тут всё нормально. Тылы были и остаются надёжными. Одно плохо - нет рядом сыновей и внуков. Какая радость общаться с ними! Были бы рядом, какое б это было счастье! Но это пока невозможно. Видеться приходится эпизодически – от отпуска, до отпуска сыновей. Они ж оба офицеры. Старший Володя – полковник Российской армии, командир 33

разведывательной бригады Северо-Кавказского военного округа. Теперь, с ликвидацией военных округов, его бригада, наверное, будет входить в состав Южного командования. А младший Андрей - майор медицинской службы, начальник хирургического отделения гарнизонного военного госпиталя города Астрахань. Как видите, оба офицеры, автоматом пошли по моим стопам. Я не требовал и даже не давал им советов о выборе профессии. Оба родились в военных городках, старший в Германии, а младший в селе Троицкое Ханкайского района Приморского края. Что они бедолаги в жизни видели из окон квартир военных городков? С молоком матери вобрали в себя военный образ жизни, потому, очевидно, этой дорогой и пошли следом за мною.

После этих слов Пётр Алексеевич умолк, погрузившись в какие-то свои думы, а я больше не стал его тревожить своими вопросами. Мы тихо с ним попрощались, и я, переполненный размышлениями об услышанном, побрёл домой счастливый от общения с интереснейшим собеседником – «самым обычным генералом».

миротворческие силы стран содружества. Основной костяк этих сил составляли российские войска и подразделения армии Таджикистана. Пётр Алексеевич назначается первым заместителем начальника штаба миротворческих сил.

В Душанбе у министра обороны Таджикистана генерал-майора А.В. Шишлянникова прошло совещание, в работе которого принимали участие руководство КГБ, МВД Таджикистана и командование миротворческих сил. На совещании пошел разговор о том, что в районе города Хорог идёт настоящая бойня между разного рода вооруженными формированиями. Органы МВД, местного самоуправления ситуацию не контролируют, практически ликвидированы. Генералу Соколову командующим миротворческими силами ставится задача: изучить в Горном Бадахшане обстановку, по мере возможности прекратить боевые действия, восстановить органы власти и помочь им в работе.

По прибытии в город Хорог Пётр Алексеевич изучает обстановку. Узнаёт, что все горные вершины, перевалы, переправы через реки, заняты отрядами оппозиции. Опорные пункты хорошо укреплены, вооружены артиллерией и тяжелой бронетехникой. В провинции, как и во всём Таджикистане, шла оголтелая пропаганда создания исламского государства. Огромным потоком с юга шла контрабанда оружия и наркотиков. На сопредельной территории Афганистана и Пакистана

Июль 2010

Освободитель

1

Рядовые Юрка Ковальчук и его верный друг и земляк Колька Плотников вернулись из длительной командировки. На завтра командир роты дал им выходной. Это был рабочий день, в увольнении в городе делать нечего, к тому же у них небыло денег даже на сигареты, потому решили ни куда не ходить, а потратить день на приведение себя и своего обмундирования в порядок и просто побездельничать.

После завтрака ребята постриглись, Юра подправил свои симпатичные усики, а потом решили постирать повседневку. Баня части, где это можно сделать, в тот день оказалась закрытой, и парни поплелись в свою неофициальную на территории соседнего Управления механизации строительной организации.

Между невысоким дощатым забором части и длинным одноэтажным зданием цеха механизаторов были разбиты красивые клумбы. Вокруг волейбольной площадки с драной, провисшей сеткой стояли ещё добротные деревянные скамейки, а у самого забора лежали стопкой, видимо оставленные ещё строителями, железобетонные плиты. Из стены здания цеха ближе к его торцу торчала труба с краном, для полива клумб и газона. Лучшего места постираться солдату и не придумать: постирался, развесил штаны с куртками для просушки, а сам ложись на плиты и загорай. Офицеры, прапорщики и сержанты тебя не видят, не беспокоят, а начнут искать – друзья свистнут, и ты через минуту в части.

Когда парни постирали свои куртки и штаны и стали закрывать кран, он не закрывался, и вода с шипением продолжала из него течь. Пока ребята натягивали меж забором и молодой берёзкой найденную тут же проволоку и развешивали постиранное, у стены образовалась приличная лужа и вода потекла за угол, где был вход в цех. Проходивший мимо седоусый, коренастый рабочий, увидевши лужу, глянул за угол, увидел загоравших на плитах солдат и развешанное для просушки их обмундирование и хотел, было, уходить. Но тут он услышал шипение вытекавшей из крана воды, оглянулся, а увидев не закрытый кран и лужу у стены цеха закричал:

- Ах вы окаянные! Почему кран не закрыли?! Вот я вам сейчас! Устроили тут, понимаешь, прачешную, так ещё и безобразничают!

Юрка хотел, было, объяснить деду, что кран не закрывается, что они пытались его закрыть, но, видя, что дед не на шутку распалился, а в руке у него уже палка, быстро сгрёб свои монетки, крикнул Кольке «уходим» и нырнул в кусты. Друг последовал за ним.

Дед, матерясь, стал закрывать кран, а убедившись, что он сломан, выматерился, вспомнив матушку и всех святых, сходил в цех за инструментами, и принялся чинить кран.

Возвращаться на плиты ребята не стали – в окно из цеха их снова мог заметить сердитый дед. И как им быть? Не идти же в роту в трусах? Решили по пожарной лестнице что за углом цеха взобраться на его крышу и расположиться там. Развесив на металлические крышки труб вентиляции куртки и штаны, ребята улеглись на дощатой дорожке и сладко уснули.

Часа через два их разбудил смех и возбуждённые голоса рабочих вывалившихся из цеха на обед. Послышался визг и незлобная ругань молодой женщины, а потом громкий возглас какого-то парня: «Сегодня Иван Купала! Положено!» Ребята осторожно глянули вниз, с интересом молча понаблюдали как молодые парни и девушки из цеха, словно играя в догоняшки, поливали друг – друга водой. Когда снова улеглись на свои импровизированные лежаки, Юрка сказал:

- Время обедать, в столовку пойдём?

- Придётся. Денег нет, в кафе не сходишь, - ответил Колька.

Из открытых окон кухни рабочей столовки лёгкий ветерок нёс приятные запахи. Ребята с минуту посидели, потом собрали свои куртки и штаны и стали одевать уже высохшее обмундирование. И в это самое время из цеха донёсся шум включенного станка. Парни заглянули в открытое потолочное окно освещения цеха и склонившегося над токарным станком ругавшего их деда. Тот через привязанные засаленной верёвочкой на затылке очки сосредоточенно смотрел, как осторожно подводимый им резец снимал с какой-то детали длинную тонкую спираль - стружку. На сосредоточенном лице деда едва проступала довольная улыбка. Юра как замороженный уставился на мастера, который в тот миг творил что-то великое. А Колька тем временем побежал к лестнице и быстро спустился вниз. Появился Николай с конусообразным красным ведром, до краёв наполненным водой. Не говоря ни слова, он с ходу плесканул из ведра на деда, крикнувши: «Иван Купала!» От внезапного холодного душа дед, ахнув, присел. А, услышав «поздравление», глянул в верх. В следующее мгновение он схватил с полки на станке какую-то, подвернувшуюся под руку железяку, и, как спринтер рванул из цеха за угол. Проворно спускавшиеся по пожарной лестнице солдаты, увидев деда, рванули наверх. Дед подбежал к лестнице, вытирая ладонью мокрые волосы, прогудел: «Слезайте окаянные! Я вам покажу Ивана Купалу, я вам покажу!». А парни, пригнувшись, чтобы снизу их не видел дед, побежали по крыше к другому торцу здания, спрыгнули на крышу какого-то пристроя к цеху, оттуда сиганули на землю, потом пробрались через кустарник к забору части, перемахнули через него и, с оглядкой в сторону цеха, направились в свою столовую.

Из-за угла клуба показался капитан из политчасти полка и два солдата, тащившие изготовленный из брусков и фанеры большой щит. «Эй, бойцы! - крикнул капитан нашим героям, - помогите нам отнести щит на плац».

Только Юра с Николаем взялись за края сверкавшего свежей белой краской щита, как из-за забора послышалось: «А вот и они, голубчики! Ну-ка капитан, иди сюда поближе, я тебе кое-что расскажу. Иди – иди, не бойся! С собой возьми и вон тех двоих», - пальцем он указал на Юру и Кольку.

Услышав это, парни остолбенели и чуть не выронили щит. А капитан уже направился к забору, за которым на плитах стоял голый до пояса белоусый дед.

Вот капитан Соловьёв подошел к забору и недовольно произнёс:

- Слушаю вас! Что случилось? Что-то натворили наши воины?

- А ты их, окаянных, сам спроси. Прикажи, пусть сами расскажут, чем они ту у нас занимались. Зови, зови их сюда.

Капитан, повернувшись к солдатам, кивнул головой, требуя подойти. Юра с Николаем осторожно опустили на землю щит и, понурился головы, поплелись к забору. «Попались. Дёрнуло ж тебя дурака облить этого деда», - проворчал Юра, еле переставляя ноги. А когда подошли к капитану, дед, опершись руками на забор, с ехидцей в голосе сказал:

- Ну, докладывайте капитану, докладывайте, чего отмочили!

- Извините, пожалуйста, я пошутил, - процедил Колька.

- Ах ты, паразит! Видали! Он пошутил! Я такую деталь, такую деталь точу, а он на меня сверху водой! Ах ты, паразит! Видал, какие они у вас шутки шутят! Видал, капитан!? Ну не нагнал я вас, не нагнал. Попадёшься ты мне как – нибудь. Попадёшься. Я те пошучу! Вот уж я те пошучу! Неделю на задницу не сядешь!

- Это правда, что говорит мужчина? – сказал капитан.

Но парни, опустив головы, молчали.

- Ладно, идите, тащите щит. потом разберёмся, - а обращаясь к деду, продолжил, - мы их обязательно накажем, обязательно! Я даю вам слово, - протараторил капитан.

Юрка с Николаем, козырнув и буркнув «есть», резво развернулись и поспешили к щиту, а дед, глядя им в след, провёл мозолистой ладонью руки по жиденьким белым волосам своей головы, крикнул и коротко бросил:

- Слышь, капитан! Вы уж там того, пожуришь этих сопляков, конечно, пожуришь, как следует, а строго-то не наказывайте. Какие они солдаты? Детский сад, детвора. Чё они видели, службы то настоящей и не знали.

Уже собравшийся уходить капитан, подошел ближе к забору, прикрывая от солнца ладонью глаза, внимательно посмотрел на татуировку, синевшую на левой части ещё крепкой дедовой груди и сказал:

- Вижу, вы танкист. Воевали?

Смутившись и прикрывая ладонью наколку с изображением танка и надписью «Броня крепка, и танки наши быстры», дед, махнул рукой, нехотя процедил:

- Да, было дело, как же. А это, при этом он указал на наколки, по молодости, по глупости, по глупости.

- В воскресенье у нас праздник, день части. В годы Великой отечественной наша часть брала Берлин. Приходите, расскажите ребятам как воевали.

- Сначала мы танкисты Берлин окружили, обошли его с флангов, только потом пехота его штурмовала, - вставил дед. - Только потом.

- Вот и хорошо. Есть что рассказать. Ребятам будет очень интересно. У нас в части фронтовиков уже нет.

Дед, бросив на офицера короткий взгляд, развернулся, дошел до края плит, остановился. Потом медленно развернулся. Из под густых бровей суженными глазками строгого лица он глянул на капитана, и каким-то глухим, грудным голосом буркнул:

- Ладно. Приду.

Утром воскресного дня на центральной площади небольшого городка капитан Смирнов встретил нарядного, с орденскими планками на пиджаке Ивана Прокофьевича. Полковым автобусом приехали в часть. После торжественного собрания в клубе, солдат развели по ротам и там перед ними выступали прибывшие на праздник гости. Выступить ветеран попросился в роту, где служили его крестники.

В просторной Ленинской комнате Юрка сидел в первом ряду, а Колька забился в дальний угол и всё время, пока выступал дед, ждал, когда он при всех начнёт ругать его за холодный душ. Но дед интересно рассказывавший о танках, о подвигах танкистов на войне, о боях, в которых участвовал, об их с Юркой подвиге не проронил и слова, смотрел на него так же, как и на остальных ребят – приветливо и доброжелательно.

После выступлений в ротах гостей, в солдатской столовой состоялся праздничный обед. В центре обеденного зала было накрыто несколько столиков для гостей. С солдатскими щами и кашей Иван Прокофьевич справился быстро. Тихо поблагодарил соседей по столу, поднялся и прошел к выходу из обеденного зала.

По пути из столовой гость фронтовик подошел к свежему стенду на плацу части и несколько минут стоял, изучая карту боевого пути части. Красными звездочками на ней были помечены города, в освобождении которых принимала участие часть. Когда к нему подошел капитан

Соловьёв, Иван Прокофьевич отошел от стенда, закурил и указывая на помеченный на карте Берлин, сказал:

- Я брал его в составе Пятой танковой армии. Наша часть тоже изрядно поутюжила поля и леса России, Белоруссии, Польши, Германии. А сколько освобождал городов, не знаю, не считал. На всю жизнь запомнил, как освобождали один небольшой русский городок. А освободил его я, - тихо вымолвил приободрившийся танкист.

- Вы один освободили город?

- Да, - выпалил танкист, - а минуту помолчал, продолжил, - ну не совсем, конечно, один. Хотя фактически я. Что ничего не придумал, я вам даю слово танкиста. Клянусь! А дело было так:

Воевал я механиком-водителем тяжелого танка ИС. Наша Армии была тогда в составе Калининского фронта. Мы танкисты вместе с пехотой и артиллерией наступали на Смоленском направлении.

Когда подошли к одному небольшому городку, в полку исправных осталось всего два тяжелых танка. Командир пехотной дивизии, в полосе наступления которой мы действовали, обратился с просьбой к командиру нашего полка помочь хотя бы двумя машинами в атаке на железнодорожный вокзал и депо.

И вот, в назначенный день и час пошли мы в наступление. Без артподготовки пехота за двумя нашими машинами двинулась к вокзалу и депо. Я вел свою машину на железнодорожный вокзал, а вторая шла на депо. К моему удивлению, на вокзале немцев не оказалось. Когда выскочил на привокзальную площадь, увидел такую картину: сразу за площадью спокойный и неширокий Днепр, чуть правее мост, подготовленный к обороне и наверняка заминированный. На противоположном берегу реки видны орудия, кое-где копошатся, явно не ожидавшие нас, фрицы. Оценив обстановку, я направил свою машину на мост. Пехота, естественно, за мной. Не оказалось противника и в районе депо. Володя Сосков, механик второй машины, в сопровождении пехоты тоже вышел на набережную, а, увидев, что я рванул через мост, последовал за мною.

Когда я въехал на мост, меня за плечо рванул командир дивизии пехотинцев, сидевший в моей башне за командира, и заорал: "Ты что!? Мост заминирован! Назад твою мать...!" Понимая, что разворот, отход назад на мосту - смерть, что пехотный полковник

этого ж может и не знать, а не воспользоваться случаем - глупость, я, резко прибавив газ, крикнул ему: "Не бзди, полковник, прорвёмся!"

А машина уже перелетела через мост, пехотинцы, следовавшие за танком, быстро резали провода системы подрыва и растекались по набережной. Не задерживаясь на набережной, я направил машину прямо на следующую улицу. Выскочив на нее, а это была улица Ленина, а значит центральная, я остановил машину, чтобы оглядеться. Слева и справа по улице немецкие солдаты неторопливо грузили в машины какие-то ящики, большущие чемоданы, пишущие машинки и прочее штабное и офицерское барахло.

Я и направил свою машину по улице влево, сменяя гусеницами легковые и грузовые автомашины. Башенный стрелок открыл огонь длинными очередями из крупнокалиберного пулемёта. Несколько раз бухнул и из орудия. Володя Сосков рванул по Ленина вправо, проделывая то же, что и мы.

Вскоре фрицы опомнились и начали оказывать нам сопротивление. В городе, да еще в сопровождении пехоты, меня не напугаешь. Я, то на полной жму по улице, то, сменяя заборы и деревянные сараюшки во дворах, перескакиваю на улицу параллельную. А в одном месте, крутнувшись вокруг дома, вышел в тыл ихним артиллеристам, устанавливавшим против меня пушку и сходу смял их.

Ближе к обеду я задом въехал в какой-то двор, затих, поджидая пока пехотинцы отгонят подальше немецких автоматчиков, чтобы не спалили машину. Жара в машине была несносная, июль же, и я полез в башню, чтобы через верхний люк глотнуть воздуха, да осмотреться окрест. За домом на улице шла перестрелка. Я глянул на полковника в надежде получить какую-то команду, но он по радиации всё время что-то говорил и на меня не обратил никакого внимания. Я выглянул наружу и увидел, что в приоткрытую дверь дома на нас смотрит худенькая женщина. Я быстро выбрался из танка, подбежал к ней. В тёмном коридоре и на ступеньках, что вели в подвал стояли ещё несколько женщин. Я спросил у них, как лучше объехать парк, что слева и выехать на западную окраину города.

- Ежай родненький через дворы прямо, потом парк, прямо через парк и выедешь на окраину. А справа будет дорога вдоль реки на Смоленск.

Слышу, стрельба переместилась от нас уже подальше. Поблагодарил я женщин, нырнул в свой люк, приготовился к движению. Спросил полковника: «Едем дальше?» Он что-то стал мне говорить, но я не расслышал, а нашими жестами дать мне команду он не мог. Он же пехотинец. И я полез к нему. Когда приблизился, слышу зуммер вызова радиостанции. На каждом тяжелом тогда была своя радиостанция. Полковник ответил. Понял я, что он разговаривает с командармом, притих, слушаю. Генерал, наверняка, спросил, где мы находимся, и попросил доложить обстановку. Полковник доложил, что находимся мы на улице Ленина, немцы оказывают сопротивление аррьергардом, основные силы отходят на западные окраины города. Части его дивизии успешно сбивают заслоны и преследуют противника. После доклада полковник

скомандовал мне выезжать из укрытия и двигаться дальше. А куда, я-то уже знал. Пересёк, я значит, улицу, двор и выехал в примыкавший к домам небольшой парк. Ни куда не сворачивая, пересёк его и выскочил на западную окраину городка. Смотрю, с лева по дороге растянулась колонна крытых машин, подводы, поспевают небольшие группы пехоты. Тут передо мной, в аккурат, кладбище, а там же кусты, деревья. Я огибаю это кладбище справа и выезжаю на дорогу. Во всю заработали стрелок с заряжающим, а я сходу в колонну и гусеницами, гусеницами... Делов мы там наделали не мало. Жаль только, что за нами мало пехоты шло – взвода полтора, не больше. Основные ж ввязались в уличные бои. Но и так получилось прилично. Поутюжив на дороге, в город вертаться я не стал, вернулся на кладбище. Сразу у ворот спрятал машину за земляной вал канавы ограждения. Горючее у нас было на исходе, да и от боекомплекта уже ничего не оставалось.

Вечерело, немцы спешно отошли, стрельба в городе прекратилась, слышалось только уханье пушек и миномётов где-то далеко за городом. Когда на дороге показалась колонна машин штаба дивизии, полковник вылез из танка, поблагодарил нас за помощь, пожелал нам удачи и побежал к своему штабу. Мы вернулись в городок, нашли заправщика, заправили машину горючим.

Там же на окраине у одного дома стали останавливаться грузовые машины, ЭМ-ки, «Вилисы». Мы оставили охранять машину заряжающего, а со стрелком пошли к тому дому, чтобы узнать, где наш полк и куда нам следовать дальше.

Я обратился к какому-то майору. Тот велел нам подождать, пока он всё разузнает. Во дворе дома мы попили колодезной водички, наполнили свои фляжки и присели на завалинку у дома. И тут из открытого окна дома слышим, заговорил радиоприёмник: "Внимание! Говорит Москва! Сегодня, части Советской армии освободили город ...! Первыми в город ворвались пехотнцы дивизии полковника ..."

Храбрый полковник за ту нашу операцию получил звезду героя, а я получил звезду, ... "Красную".

После войны на встрече ветеранов в Смоленске по случаю 30-й годовщины победы над Германией, я подошел к белому как лунь генерал-лейтенанту, поздоровался, а чтобы герой генерал меня вспомнил, тихо, на ухо произнес ему слова, сказанные в танке, когда ехали по мосту ...

Генерал меня крепко обнял, даже прослезился и несколько раз повторил: "Это все ты чертяка, это все ты..."

-Вот, теперича, и суди, кто освободил тот городок, - дружелюбно подмигнувши капитану, сказал Иван Прокофьевич, направляясь к уже стоявшему у штаба автобусу.

Никола Чудотворец

повесть

В конце мая 1941 года Николаю Подмарькову отметили именины. Исполнилось ему по документам 18 лет, фактически ж ему было только 16. Дело в том, что рос он без отца. Его маме трудно было одной ставить сына на ноги. А парень он был рослый – под два метра, в плечах сажень. Универсальную деревенскую обувь – резиновые галоши самого большого размера, носил только на босу ногу, с носком не лезли. В работе не уступал ни одному сельскому мужику, но мал был годами и на работу ни куда не брали. Вот и пошла мама к сельсоветовскому писарю выпивохе Савеличу с четвертинкой. Тот два года ему и прибавил.

А 22 июня началась война. Через несколько дней Николай получил повестку. Из деревни Шиловка, что стоит на высоком берегу могучей русской реки, мобилизованных отправили на сборный пункт в Ульяновск, который располагался на станции Ульяновск - 1. Там сформировали команду и отправили в школу артиллеристов. Несколько месяцев обучения и на фронт.

Отвоевал волгарь богатырь от первого и до последнего дня войны. Несколько раз был ранен. Участвовал во многих боях, в которых гибли десятки и сотни его однополчан. В каждом из тех боёв мог погибнуть и он. Из многих – многих боевых операций он выходил невредимым. За все годы войны воевать пришлось артиллеристом, разведчиком, стрелком пехотинцем и даже морским пехотинцем. А всё из-за того, что после ранений и излечения в госпиталях попадал во вновь формирующиеся части. Ранения получал

самые разные, но всякий раз полностью излечивался и снова был абсолютно здоров и годен воевать. Все, кто знает войну не понаслышке, скажут, что этому солдату здорово повезло. Солдат, которые отвоевали Великую Отечественную от первого до последнего дня и несколько раз были ранены, единицы во всей нашей Советской армии. А если учесть, что в боевой биографии Николая Подмарькова было несколько эпизодов, которые иначе как чудом не назовёшь, то судьба этого простого русского солдата и в самом деле предстаёт удивительной и необычной. Поведаем читателю несколько самых памятных эпизодов из боевой биографии простого русского солдата.

1. В наступлении.

После многих месяцев отступлений и поражений, наши войска, наконец, перешли в наступление. Дело было на Южном фронте весной сорок третьего года. Наш герой Николай Подмарьков наступал в составе стрелкового батальона.

Однажды подошли наши солдаты к одному населённому пункту. Из-за пригорка, на самой окраине села показался большой каменный дом с полуподвалом. Только наши бойцы поднялись на пригорок, как из окна полуподвала этого дома ударил немецкий пулемёт. Командир роты в бинокль внимательно осмотрел злополучный дом и установил, что на верхний этаж немцы загнали наших мирных жителей, а сами засели в полуподвальном нижнем этаже. Огня артиллерии не попросишь, несколько минут перестрелки ни чего не дали. Атаковать броском – понести большие потери. И ротный принял решение - рота будет непрерывно обстреливать злополучный дом, отвлекая немцев, а тем временем несколько бойцов, используя складки местности и разные постройки, скрытно должна обойти дом с тыла и забросать пулемёт гранатами. Послали трёх бойцов, в их число вошел и Николай.

Когда наши солдаты оказались с той стороны дома, одному велели метров на сто поотстать, чтобы подстраховаться с тыла, со стороны села. Николай и ещё один боец выдвинулись ко двору нужного дома, осмотрелись. У открытой двери, что выходила во двор, стояли с винтовками два немца. Они присматривали за тылом своей обороны и препятствовали женщинам, старикам и детишкам бежать из дома. Стрелять по ним с большого расстояния смысла не имело. Если даже первыми выстрелами пристрелить обоих немцев, на шум выстрелов выскочат другие, и откроют по нашим бойцам ответный огонь. Завяжется такая же перестрелка, как и с фронта, с той лишь разницей, что тут у наших бойцов противник будет со всех сторон, а их всего-то трое. И боевое задание не будет выполнено, и ноги отсюда не унести. Николай с напарником решили подобраться как можно ближе к дому, пристрелить немцев и молниеносным броском подбежать к дому и забросать подвал гранатами. Дали о своём решении знать бойцу, прикрывавшему их с тыла, и двинулись вперёд, прячась за дворовые постройки и всякую хозяйскую утварь во дворе. Николай, держа винтовку наготове, шел первым. Когда бойцы перебежали от одного укрытия к другому, находясь уже шагах в тридцати от дома, один из немцев резко повернулся в их сторону и, наставив винтовку прямо в Николая, выстрелил. Словно чья-то неведомая рука мгновенно прижала Николая к земле. Ойкнул и замертво упал напарник, получивший пулю. Пальнул и убил одного из немцев Николай. Второй немец метнулся в дом на верхний этаж. Николай рванул к дому. Одну гранату он метнул в открытую дверь, потом подбежал к окну полуподвала и метнул в него несколько гранат. После разрыва первой же гранаты в подвале, пулемёт замолчал, слышались вопли на немецком, через минуту установилась тревожная тишина. Потом слышались крики и беспорядочная стрельба с нашей стороны, - наши пошли в атаку, - подумал про себя, стоя спиной к стене дома Николай. Над его погибшим напарником склонился третий боец из их группы. «А ведь пуля-то была моей. Напарник действия немца тоже заметил, вскрикнул, предупреждая меня об опасности», - размышлял чудом оставшийся в живых Николай.

Эти его печальные размышления прервали крики с верхнего этажа дома. Бывшие живым щитом немцев женщины, увидев бегущих наших бойцов, схватили охранявшего их немца, повалили на пол и стали лупить, кто только чем мог и по чём.

2. В разведке.

Дело было на территории Украины. Трое наших солдат, в числе которых был и Николай Подмарьков, пробрались в тыл к немцам имея задание собрать сведения о противнике. Недалеко от одной из деревень разведчики повстречали старика и паренька подростка, которые несли в деревню по вязанке соломы. Разведчики хорошенько осмотрелись по сторонам, не заметив ни какой опасности, подошли к ним и стали расспрашивать о немцах. Оказалось, что солому в вязанки старик с парнишкой связали проводом, который болтался на деревьях в лесу. Откуда им было знать, что это был провод линии связи немцев. Как только дедуля с внуком оборвали провод, немцы послали шесть своих солдат на починку и восстановление связи. Тут-то они и обнаружили "диверсантов" и трёх наших зевнувших разведчиков. Деда и парнишку за порчу линии связи немцы тут же расстреляли. Приказы немецкого командования о немедленном расстреле на месте за диверсии и вредительство немцы развешивали по всем городам и сёлам на оккупированной ими территории. Разоружили наших солдат, обшарили карманы, документов ни каких, а у разведчиков их ни когда и не бывает. Несколько минут потолковали меж собой, по всей вероятности о том, как поступить с пленёнными солдатами. Ясно стало разведчикам, что решили немцы расстрелять и их. В часть нужно вести лесом - опасно, а ведь им же надо было ещё восстанавливать полевую линию телефонной связи.

В общем, поставили немцы наших солдат в шеренгу, сами отошли шагов на десять, вскинули и передёрнули затворы автоматов. И в это самое мгновение треснуло несколько выстрелов из соседнего леса. Четверо немцев, как подкошенные, повалились на землю замертво, двое, оставшихся в живых, вытянулись как по струнке и подняли вверх руки.

Как потом оказалось, из глубокого немецкого тыла возвращалась разведгруппа соседней дивизии. Выйдя на край леса, и увидев немцев собравшихся расстреливать наших солдат, они и дали по ним залп. Так Николай, будучи на самой грани гибели, чудом остался живым во второй раз.

3. В ледовом плену

После ранения и госпиталя Николай попал во вновь сформированную часть морских пехотинцев. Эшелонами, в конце декабря сорок четвёртого, часть перебросили в Прибалтику. Шли тяжелые бои в сильно укреплённой прибрежной полосе Польши.

В полосе наступления части, в которой сражался гвардеец Николай Подмарьков, оказалось большое, заснеженное озеро. Северный его берег от моря разделяла полоска суши в несколько сот метров. Она была заросшей кустарником и заболоченной. Южный берег был высоким, темнел ухоженным хвойным лесом, по опушкам которого стояли роскошные особняки. Каждый такой особняк представлял собой сильно укреплённый пункт. Нелегко нашим частям было наступать в том лесу. Вековые сосны и ели уже сами по себе были серьёзным препятствием для наступавших частей, а ведь в том лесу были сооружены ещё и инженерные укрепления, плюс к этому хорошо оборудованные опорные пункты в замках и особняках. Полоса обороны немцев в том месте получилась нешуточная. Каждый её метр приходилось брать с большим трудом и потерями.

И наступательную операцию наше командование решило провести, используя ледовое покрытие озера. Артиллерия хорошенько обрабатывала западный, не очень сильно укреплённый берег озера, авиация постоянно бомбила и штурмовала укрепления по южному берегу озера. Первому эшелону наступавшей морской пехоты предстояло

небольшими группами, рассредоточившись, быстро продвинулись по льду озера, штурмом овладеть западным берегом, и захватить плацдарм. Второй эшелон, также с озера, захватывает и расширяет плацдармы на южном берегу, нависая на флангах укрепившегося противника. Этот удар, в случае успеха, ставил противника в трудное положение, давал нашим войскам инициативу, возможность быстрого продвижения вперёд.

Так Николай оказался на льду этого большого озера. По морским пехотинцам была дальняя артиллерия и миномёты немцев. Но огонь был не плотным и особого вреда нашим бойцам не представлял. Без особых потерь морские пехотинцы успешно продвигались вперёд. Лёд на озере у берега был толстым, а вот подальше от берега – не очень. Как Николай оказался в ледяной воде, он толком и не понял. Толи попал в пробоину от мины или снаряда, которую под снегом на крошечке льда не заметил, толи попалась промоина – полынья. Из всех сил работая руками и ногами, он сначала остановил погружение ко дну, а потом стал медленно всплывать. К нырку не готовился и не набрал в грудь побольше воздуха, как это бывало при купании на Волге, потому с первой же минуты ему сильно сдавило грудь, он стал задыхаться. Не парализовала молодое, разгорячённое бегом по заснеженному льду тело холодная вода. Но всплывая, он ткнулся головой в крепкий лёд. Не мешкая, проплыл и попытался всплыть в одну, потом в другую сторону - везде лёд. От отсутствия воздуха и холода стал терять силы и сознание. Осознавая безвыходность своего положения, чувствуя неминуемую гибель, Николай вспомнил наказ мамы и стал просить спасения у Николая Чудотворца.

-Никола! Спаси! Помоги! Не дай погибнуть! Жить, жить хочу! – молил он мысленно святого.

Очнулся наш морской пехотинец только на госпитальной койке. Как он выплыл из-под ледяного панциря, кто его вытащил на лёд и эвакуировал на сушу и в тыл, он не помнил.

4 У порога газовой камеры

После ледяного купания Николай с недельку повалялся в медсанбате, вылечился от простуды и снова на передовую.

Однажды во время боя за очередной населённый пункт, бойцы подразделения, в котором воевал Николай Подмарьков, без особых усилий овладели передней полосой укреплений противника. Но соседи попали под мощный огонь пулемётов и миномётов, продвнуться не смогли. Отбросив назад наступавшие широким фронтом советские подразделения, весь огонь с фронта и флангов немцы перенесли на подразделение, захватившее небольшой участок их передовых позиций. Наши бойцы оказались в критическом положении и получили приказ отходить. Отстреливаясь, Николай и его товарищи стали перебежками пробираться к своим. Только Николай поднялся, чтобы перебежать в очередное укрытие, как рядом рвануло и, теряя сознание, он ощутил полёт, а потом сильный удар...

Очнулся от того, что его за ноги волокли два дюжих немца. Гудела голова, острой болью во всём теле отдавался каждый толчок на ухабах. Так он оказался в плену. Несколько часов Николая и с десятков таких же, как он несчастных, держали в каком-то подвале. Смеркалось, когда пленных вытолкали наверх, посадили в кузов автомашины и долго куда-то везли. Хотелось пить, по-прежнему гудела голова, руки и ноги были целы, сильно болела грудь.

К утру привезли на железнодорожную станцию, перегрузили в вагоны и, часа через три, состав двинулся в неизвестность.

Новым местом оказался концлагерь. Располагался он недалеко от большого польского города, у самой западной границы с Германией. Заключенные концлагеря все предшествующие годы работали на военных заводах города. Но последние месяцы заводы не работали, их разбомбила авиация союзников. На территории концлагеря

действовали газовые камеры и крематорий. С приближением советских войск газовые камеры и крематорий, свою чёрную работу ускорили - немцы спешили. Многие бараки концлагеря уже пустовали.

Однажды Николая и ещё нескольких узников из его барака подняли ночью и погнали к газовым камерам. Их заставили выгружать трупы из газовых камер, укладывать на тележки, которые по рельсам другие заключённые увозили к печам крематория.

Когда команда, выгружавшая газовые камеры закончила свою работу, всем приказали раздеться. В помещении появилось большое количество надзирателей и конвоиров. Всем стало ясно, что наступил их черёд. Сейчас их палками и прикладами загонят в камеры и конец. Немцы явно спешили и нервничали. Они торопили своих узников, объясняя, что поведут их мыться после той работы, которую они только что выполнили. Ни кто из обречённых этим увещаниям не верил, раздеваясь, бросали одежду в общую кучу. Вот уже все узники разделись, их палачи выхватили палки, изготовившись загонять свои жертвы в газовую камеру, но в этот самый момент где-то недалеко раздались выстрелы и над бараками зловещего лагеря смерти разнеслось родное русское «Ура!». Палачи ломанулись на улицу. Оставшиеся одни, уже мысленно простившиеся с жизнью, ещё не веря в своё спасение, пленники кинулись разбирать свою одежду и полураздетыми выбежали на улицу. Лагерь заняли наши автоматчики.

Так Николай, в очередной раз побывавший на краю жизни, опять уцелел. После освобождения, около месяца он лечился, отдыхал и набирался сил в полевом госпитале, а потом снова - на передовую.

5. Когда уже закончилась война.

Случилось это уже после окончания войны. Часть, в которой служил Николай, располагалась в небольшом немецком городке. Служба, которую приходилось солдатам нести, не шла ни в какое сравнение с тем, что они пережили в окопах.

Однажды в час отдыха, Николай и его товарищ уселись в проеме окна дома, в котором размещалось их подразделение. Сидели, свесив ноги на улицу, о чем-то разговаривали, смотрели во двор, в котором было много солдат их подразделения. Одни из них расположились на зелёной травке в тени и отдыхали, другие чинили одежду, несколько бойцов сидели под строением во дворе и о чем-то мирно разговаривали. Очевидно, кто-то из бойцов тронул установленную немцами мину-сюрприз, которая рванула, разорвав мирную тишину городка. Товарищ Николая, сидевший с ним рядом плечом к плечу, получил от той мины несколько осколков в различные части тела. К счастью, остался жив, а Николай не получил и единой царапины.

*

Что это? Опять счастливый случай, опять везение? Не много ли на одного солдата таких счастливых случаев?

Тогда у молодого парня комсомольца этот вопрос, конечно, возникал. Он помнил мамин наказ, не расставаться ни где и ни когда с маленькой, в металлической оправке, потемневшей от времени иконкой Николая Чудотворца. «Возьми эту иконку, храни при себе, и помни, это твой покровитель», - говорила Николаю мама, провожая его на войну, - ты рождён в его дни, крещён. Молись ему, он тебя сохранит и поможет в трудную минуту.

Молиться Николай не молился, не та была обстановка, да и неверующими в, большинстве своём, были его боевые товарищи. Не был бы он, мягко говоря, ими правильно понят.

Сначала хранил иконку, как дорогую вещь из дома, из рук мамы. А когда побывал в первых боях, в которых на его глазах гибли или навсегда оставались калеками многие его однополчане, а он всякий раз, как замороженный, оставался цел и не вредим; а если и получал ранения, то, говоря окопным языком – пустяковые, иконку стал хранить и оберегать с не осознанной, но верой в её чудотворное действие. Получая ранения – царапины, Николай каждый раз осознавал, что возьми пуля или осколок чуть выше, чуть правее или левее и ему был бы конец, а вот не взяла ж. Почему? Опять сберёт Никола? «Я здесь не молюсь, но наверняка там в нашей светлой просторной избе, молится за меня этому и другим святым мама В переднем углу нашего дома их целый иконостас», - думал постоянно наш герой гвардеец..

Чтобы не потерять свою дорогую реликвию, чтобы не попала она на глаза сослуживцам, Николай пристроил для иконки нехитрое крепление под мышкой левой руки и не расставался с ней, пока не вернулся живым и здоровым домой.

Шли годы. Подросли дочери Николая, покрылась сединами его голова. Каждый год, отмечая свои дни рождения, после застолья, когда уже расходились по домам родня, друзья и соседи, Николай снимал с полки в углу маленькую, почерневшую от времени иконку, вглядывался в черты своего покровителя и размышлял, вспоминая нелёгкие годы войны. Вспоминал своих погибших и искалеченных фронтовых друзей и все больше и больше убеждался в том, что выжил он только благодаря маминым молитвам, да чудотворцу Николаю.

Это понимание в сознании старого солдата утверждалось с каждым годом всё больше. Всё чаще он рассказывал и даже внушал веру в божественную силу своим дочерям и внукам. Но тем его вера в бога и заканчивалась. В церковь он не ходил, да и ходить-то было некуда - как снесли в тридцатые сельскую церквушку, так и не было её в селе до самой смерти Николая Подмарькова.

Самые важные христианские праздники, само собой, в семье Подмарьковых стали отмечать. На своём месте в доме были все мамины иконы. В комсомоле состояли дочери Николая и их дети. Росли они и воспитывались, как и все в то время - в советском духе, но худого о боге и вере ни кто, ни когда не говорил.

Выжил солдат в самой кровавой, самой жестокой из всех войн, а погиб в мирные шестидесятые. Стало ему известно о краже колхозного добра. Воры просили их не выдавать, но не тем человеком был Николай Ильич Подмарьков, за что и поплатился жизнью.

Маминой иконки Николая Чудотворца в тот роковой момент при нём не было.

май 2004 г.

Последний подвиг ветерана

Как-то пришлось мне побывать на больничной койке в стационаре. Мне была сделана не сложная операция, я быстро поправился и готовился к выписке. За время пребывания в больнице довелось увидеть и услышать немало человеческих историй, по большей части трагических. Но вот судьба одного старика так меня потрясла, что по прошествии нескольких лет не только не забывается, но до сих пор не даёт мне покоя.

Как-то после врачебного обхода сестра привела к нам в палату высокого худощавого старика. Из-под густых, черных бровей нас, обитальцев тесной палаты, оглядели тёмные добрые глаза человека, многое повидавшего на своём веку. Поставив у указанной ему койки небольшую сумку, новенький представился: «Артамонов Иван Васильевич». Каждый из нас назвал своё имя тоже. Расположившись, Иван Васильевич, как это всегда и бывает, стал расспрашивать нас о больничных порядках, о наших болячках и результатах лечения, о докторях. Кто-то из мужиков спросил и его, с чем он пожаловал. Иван Васильевич немного помолчал, потом уклончиво ответил, что толком ещё и сам не знает. Будут обследовать.

Три последующих дня Иван Васильевич сдавал различные анализы, прошел УЗИ и рентгеноскопию, сделал кардиограмму. В субботу выписался мой сосед, и Иван Васильевич перебрался на его место. В понедельник во время обхода врачей, мне было объявлено, что назавтра я выписываюсь, а Ивану Васильевичу велели после обхода явиться в ординаторскую.

Вернулся Иван Васильевич не скоро. Его морщинистое лицо осунулось, сам он выглядел посуровевшим и расстроенным. Все мы понимали, что разговор с врачами состоялся не из приятных, и ни кто не стал, ни о чём расспрашивать старика.

После обеда, во время тихого часа, Иван Васильевич неподвижно лежал в кровати на спине, ни чего не видящими глазами уставившись в потолок. Ближе к семнадцати, времени для свиданий, он вышел в коридор и стоял у окна, пока не появилась высокая уже не молодая женщина и лет восемнадцати юноша.

В палате Иван Васильевич, с небольшим пакетом, объявился перед самым ужином. Содержимое пакета он молча переложил в свою тумбочку, спросил меня, что сегодня на ужин. Услышав ответ, сказал, что на ужин он не пойдёт, перекусит из принесенного дочерью.

После теленовостей начиналась демонстрация какого-то сериала, и я из холла вернулся в палату. Там находился один Иван Васильевич. Он опять неподвижно лежал на своей кровати.

- У вас какие-то проблемы? - спросил я осторожно.

- Проблемы? – оживившись, вопросом на вопрос ответил Иван Васильевич, поворачиваясь в мою сторону, - они, очевидно, одинаковы у всех, кто здесь находится.

- Так мы и находимся здесь, чтобы от наших проблем избавиться. Я вот, например, завтра уезжаю домой. От своей болячки, кажется, избавился. А, в общем, вы правы. У многих мужиков проблемы серьёзные.

- Мне уже восемьдесят один. И пребывать на этом свете осталось не долго. Сказали мне сегодня доктора, что если не делать операцию, протяну два, от силы три месяца. Не больше. Операция сложная, а здоровьишко уже слабое. Могу не выдержать. А мне надо, обязательно надо протянуть хотя бы с полгода, – как-то по деловому, рассудительно сказал Иван Васильевич и его добрые, стариковские глаза, глянули мне в самую душу.

Я, было, собрался сказать что-то собеседнику, но Иван Васильевич, мягко и тактично упредил меня и продолжил:

- Старшая дочь живёт одна. Её сынишка заканчивает платное отделение института. Этим летом уже диплом. С завода дочь сократили. Пол года получала по безработице. Сейчас устроилась на три тыщи. Как жить? Вся надежда на мою пенсию. Я ведь участник войны. Получаю хорошую пенсию. А если я помру? Внуку придётся бросать учёбу. За последний семестр мы ещё не платили. Вот я и ломаю голову – как быть. Помирать-то всё равно когда. А надо во что бы то ни стало месяцев пять - шесть протянуть. Получит Димка диплом, пойдёт работать, там уж, как-нибудь проживут. А ты подумал, что я диагноза испугался?

- Так я ж не знал всех ваших проблем. Вижу - переживаете. Все тут после обследования и беседы врачей переживают. Дело-то серьёзное, – ответил я.

- Это верно. Я тебя понимаю. За жизнь я особо уже и не переживаю. Пожил, слава богу. На фронте уже и не, помню сколько раз, прощался с жизнью, тогда молодому, знамо дело, помирать не хотелось. Только в Сталинграде дважды был на волосок от верной смерти. Первый раз дело было, когда после формирования и первичного обучения в Бырыше прибыли в Сталинград и переправлялись через Волгу. Сколько ребят из нашего полка тогда погибло! Плыли на баржах и на не больших катерах. Обстрел был такой, что вода, казалось, кипит. Как я тогда уцелел, не знаю. Мина накрыла нашу баржу уже у берега. Я очнулся от холодной воды, стал барахтаться и неожиданно ощутил под ногами землю. Обрадовался. Рванул на берег. На другой день, под шквальным огнём пошли в атаку. Надо было

отбросить немцев хотя бы метров на сто. Они накануне вклинились в нашу оборону, закрепились почти на расстоянии броска гранаты.

- Отбросили? – спросил я.

- Не знаю. Меня ранило. Очнулся в полевом госпитале. Прямо там сделали операцию, долечивался в Саратове. После госпиталя снова на фронт. Попал в механизированную бригаду. Я ж до войны получил специальность слесаря-ремонтника. Бригада постоянно была на главном направлении, постоянно в самом пекле. Часто попадали в такие переделки, что не понятно, как оставались живыми. Уже в конце войны, попали в такую ситуацию, что на сто процентов должны были все погибнуть. Дело было не далеко от Дрездена. Мы прорвали оборону немцев, комбат по рации доложил, где находимся, и получил приказ как можно быстрее продвигаться в направлении небольшого городка. Мы и рванули вперёд. Пехота, естественно, от нас отстала, другие батальоны нашей бригады напоролись на сильно укрепленные опорные пункты и остановились. Тяжелого вооружения нет, пехоты нет, горючего и боеприпасов кот наплакал. А немцы, как бешеные, прут со всех сторон. Первый день нас здорово выручала наша авиация, а на другой день с утра туман. Отбиваемся из последних сил. Уже кое-где драка идёт прямо на наших позициях. Ещё час – два и нам конец. И тут соседний танковый корпус пошёл в наступление. Мы стали пробиваться им навстречу и вырвались.

После войны меня стали беспокоить лёгкие. В Сталинграде я ведь был ранен в грудь. Все врачи говорили, что надо делать операцию. Как и сейчас, сказали прямо, что операция сложная. Жена покойница согласия на операцию не давала, как и дочь теперича. Но решать-то мне. Тот раз всё прошло прекрасно. До семидесяти работал на Машиностроительном. Но сейчас всё сложнее. Понимаешь, какая ситуация? Если после операции слягу, ухаживать-то за мной придётся дочери. Значит, её мнение надо учитывать. Не делать операцию – внук не закончит институт. Отца нет, кто ж ему поможет окромя меня? Вот тебе и проблема.

Закончилось кино, по коридору зашаркали, расходясь по палатам, больные. Наши соседи по палате стали готовиться ко сну. Мы с Иваном Васильевичем развернулись головами в угол, разобрали кровати, легли поближе друг к другу и тихонько продолжили наш разговор.

- Однажды был со мной такой случай, - продолжил Иван Васильевич, - мы наступали. Я, как слесарь, был командиром отделения ремонтников в нашем батальоне. Прямо в части, на привалах, в часы отдыха помогали, особенно новичкам, обслуживать технику и устранять мелкие неполадки. Дело было поздней осенью. Подошли мы к какому-то городку. Название уже не помню. Выбили, значит, мы немцев из опорного пункта на окраине, но в городок, на ночь, глядя, соваться не стали. Быстро темнело. Экипажи начали закапывать машины, а мы пошли по траншеям искать, где можно устроиться на ночь. Иду, стало быть, я по траншее с винтовкой на изготовке, осматриваюсь и слышу, ребята одной машины стучат молотками, что-то ремонтируют. Машина остановилась поодаль слева от наших позиций. Делать нечего, надо идти узнать что там, может, нужна помощь. Закончилась вырытая немцами глубокая траншея, иду по открытому месту. В темноте иду не спеша. Когда до танка оставалось метров пятьдесят, слышу разговор. Прислушался, а говорят-то немцы, и находятся они от меня метрах в десяти в заваленном ходе сообщения. Очевидно, во время боя оказались отрезанными от своих. Когда их подразделение отходило, вылезать из укрытия было опасно. Отсиделись до темна, а теперь решают, что делать. Бухнулся я на землю и ползу назад, а сам размышляю: я уползу, а как же экипаж? Свалился в какой-то овражек, лежу и думаю, я тут в хорошем укрытии, а ребята, наверняка, работают под прицелом. В любую минуту немцы их перестреляют. Сзади у меня наши, мне бояться нечего. Ещё раз хорошенько прислушался, и бабахнул в направлении немцев. Какое-то мгновение стояла тишина. Потом открыл стрельбу наш наблюдатель, а потом началась сильная стрельба. Вижу, ребята от танка стреляют, значит, уцелели. Выходит, я их предупредил и выручил. Только я хотел пробираться к своим, как немцы поднялись в полный рост и стреляя по нашим, побежали в направлении городка. Много, очень много их оказалось. Бежали прямо возле меня, по ним стали бить наши миномётчики. От страха

вжался я в землю и неподвижно лежал, пока не стихла стрельба. Меня за то ночное происшествие медалью наградили. За то, что не погиб. Напорись я на немцев, они б меня тихонько прикончили, перебили экипаж и спокойненько ушли к своим.

Так за рассказами Ивана Васильевича о своей нелёгкой жизни, о войне незаметно и прошла та памятная мне ночь. Поутру Иван Васильевич чисто выбрился, с какой-то особой аккуратностью заправил кровать, навёл порядок в тумбочке. А когда сестра попросила всех приготовиться к утреннему обходу, Иван Васильевич мельком взглянул в маленькое карманное зеркальце, поправил ладонью волосы и молодцевато вышел из палаты. Вернулся он через несколько минут. Вид у него был таким, словно ему сообщили какую-то очень приятную весть. Перемену в лице Ивана Васильевича заметили все обитатели нашей палаты, а я, обрадованный таким хорошим настроением старика, как только он подошел к своей кровати, сходу спросил:

- Вас чем-то обрадовал доктор?

Иван Васильевич присел ко мне на кровать и почти шёпотом ответил:

- Я дал согласие на операцию. Спасибо тебе. Ты мне здорово помог.

- Как помог? Чем? – изумлённо произнёс я.

- Понимаешь? Во-первых, я не маялся всю ночь в раздумьях. А главное, сегодня я пролистал всю свою жизнь, и в результате у меня легко и просто созрело решение – операцию я запросто перенесу. Бывало в жизни и не такое. Завтра, сказали, сделают.

К вечеру следующего дня я позвонил в клинику. Наша всеобщая любимица Наташа, поведала мне, что операцию Иван Васильевич перенёс молодцом. Пока в реанимации, но его состояние тревоги не вызывает.

Несколько раз я звонил Ивану Васильевичу домой. Ко дню Победы он уже выходил на прогулки, а летом несколько месяцев жил на даче. На следующее лето его, к сожалению, не стало.

Папа немец, мама немка....А я русский!

1

В 1968 году мне, студенту заочнику исторического факультета Томского госуниверситета, было предложено написать курсовую работу, в которой показать факторы, которые сближают народы разных национальностей, способствуют их сплочению в дружную семью народов СССР.

Попытался я тогда ответить на поставленный вопрос в работе «Национальные и интернациональные части Красной армии в годы Гражданской войны в СССР». И тут я столкнулся с огромными трудностями – ни в научной библиотеки, ни в периодике не было ни каких материалов по моей теме. С большим трудом написал я свою курсовую, получил отличную оценку и предложение работать над темой дальше.

Но занялся я изучением гражданской войны в Сибири и армии адмирала Колчака. Тут меня допустили к богатейшим закрытым фондам научной библиотеки университета. При необходимости, университет гарантировал направление меня в любой архив СССР. Само – собою разумеется, у меня тогда возник вопрос: «Вооруженные силы контрреволюции изучать мне разрешили, допустили к закрытым документам, а к документам, содержащим сведения о воинах интернационалистах, не допустили. Почему?» Никто тогда не ответил мне на этот вопрос.

Очень обострился вопрос межнациональных отношений в СССР с конца восьмидесятых годов, остро он стоит в России и сейчас.

В этом году исполняется девяносто лет со дня образования СССР, в котором «нацвопрос» был как бы решен. Но вот парадокс: к национальному вопросу в России, к национальной политике правящей в стране партии и руководства страны, к истории национального вопроса на просторах шестой части суши обращается всё больше авторов.

Все эти годы я искал и ищу ответ на поставленный мне, еще студенту, вопрос. Писал я на эту тему в годы развала СССР в ульяновской периодике. Не без страха задавал мои вопросы грузинам на проспекте Руставели ровно через год после известных там событий 9 апреля 1989 года. В гостеприимном городе Карабах Азербайджана в те же дни я долго беседовал со стариками в тени прекрасного парка в центре городка, с таксистом, с молодым начинающим бизнесменом хозяином кафе. Все мои собеседники азербайджанцы были тогда обеспокоены лозунгами набиравшего в этой республике силу «Народного фронта» о независимости. Недоумевали все они зачем надо отделяться от России?

Много о наших отношениях я беседовал и с жителями города - курорта Трускавец Львовской области Украины в 2006 году. Однажды мне повстречался уже не молодой мужчина. Он поинтересовался, откуда я приехал и чем болею. Когда я ответил, что приехал из России гуцул воскликнул: «О!

Россия!» Затем положил свою левую руку мне на поясницу, повернулся к недалеко стоящему католическому храму и стал молиться о моём здравии. А я, ошеломлённый, стоял и вытирал платком промокшие глаза...

Но, ближе к сегодняшним реалиям.

Ульяновск – многонациональный город. Татары, чувашаи, немцы, евреи, украинцы, азербайджанцы и многие другие народности, мирно живут на берегах Волги. За 30 лет здесь моего проживания многие из них были моими сослуживцами, коллегами по работе, соседями, друзьями и приятелями. На темы межнациональных отношений приходилось беседовать со многими из них. Довелось поговорить и с профессором Евгением Николаевичем Миллером.

2

Необычная судьба этого уже немолодого человека заставила меня ещё раз вернуться к непростой теме межнациональных отношений. Но сначала - о биографии Евгения Николаевича.

Родился он в г. Покровске (г. Энгельс с 1931 года) Саратовской области в 1929 году в семье учителя. Его деда звали Николас Миллер, а отца в 1896 году называли Николаем. Уже в те времена немцам в России приходилось, как говорят, ухо держать востро и называть детей на русский лад.

Как известно, с началом ВОВ в 1941 году республика немцев Поволжья была ликвидирована, а все её жители немцы были депортированы в Сибирь и Казахстан. Семья Миллер была направлена в село Кокши Алтайского края. Отца и старшего брата в январе 1942 года направили в трудармию в Молотовскую область (г. Молотов ныне г. Пермь). Вскоре в трудармию забрали и больную маму.

Проучился в 6 классе Женя Миллер чуть больше двух недель и пошел работать в колхоз – надо было зарабатывать на пропитание. Отец Евгения Николаевича в трудовой армии погиб. Старший брат и мама вернулись инвалидами. Евгений Николаевич в колхозе работал простым рабочим до 1950 года. Колхозный бригадир, хорошему работнику однажды сказал: «Ты у нас умный, тебе надо учиться».

Экстерном Евгений Николаевич сдал за семилетку и подал заявление в Барнаульский техникум советской статистики. Ехал сдавать вступительные экзамены под конвоем коменданта, который не советовал молодому человеку поступать в техникум статистики. Посоветовал доброжелательный конвоир поступать в педагогическое училище.

После успешно сданных вступительных экзаменов в техникуме статистики Евгений Николаевич взял справку о полученных оценках и понёс заявление в училище педагогическое. Там обрадовались единственному абитуриенту мужского пола и зачислили в студенты. С утра студент Миллер был на занятиях, а после зарабатывал себе на хлеб фотографом. После года учёбы на очном отделении Евгений Николаевич переводится на заочное отделение и по направлению отдела образования края едет работать учителем немецкого языка в среднюю школу большого села Топчиха. Немец по национальности, немецкого языка до поступления в педагогическое училище и подготовки к сдаче экзаменов за семилетку, он не знал вообще. Обучая детей, приходилось кропотливо изучать немецкий самому. Ему сразу дали обучать пять пятых классов.

Проработал в той средней школе Евгений Николаевич 13 лет. За это время он заочно окончил педагогическое училище, факультет русского языка и литературы Барнаульского педагогического института и факультет иностранных языков Иркутского педагогического (немецкий язык). Получил почётное звание «Отличник просвещения РСФСР».

После этого переехал в Алма-Ата преподавателем немецкого языка в школе. Там же окончил высшие педагогические курсы института иностранных языков. Совершенствование немецкого языка, молодой педагог продолжал. По окончании курсов получил место преподавателя немецкого языка в педагогическом институте Целинограда. Там Евгений Николаевич получил степень кандидата наук, стал доцентом, заведующим кафедрой.

Шел 1983 год, а гражданину СССР, страны «победившего, развитого социализма», но немцу по документам, стало неуютно в многонациональном Казахстане. И он в тайне от ректора института, который мог использовать любые средства, чтобы воспрепятствовать уходу ценного специалиста, стал подыскивать равноценное место работы в другом регионе. Получил приглашение в несколько вузов страны, и выбрал Ульяновский педагогический. Здесь был встречен с объятиями: получил кафедру, квартиру, всю необходимую помощь и поддержку руководства вуза и коллектива.

Тридцать два года Евгений Николаевич проработал в Казахстане: по 16 лет в Алма-Ате и Целинограде, 16 лет проработал в Ульяновске. Стал в 1992 году профессором

Сейчас трудится главным редактором газеты, которую учредил в 1989 году. В том же году в Москве проходил конгресс российских немцев, и было

учреждено общество немцев России. Евгений Николаевич с помощью и при поддержке Ю.Ф. Горячева в Ульяновске создал филиал этой организации.

3

Евгений Николаевич к вершинам науки пробивался самостоятельно. Где бы он ни учился, где бы ни работал, он выкладывался по полной. Его ценили, как специалиста, как труженика. Если бы Евгений Николаевич сегодня нацепил на свою грудь все медали и почётные знаки, то получился бы, как говорят, отличный «иконостас». Но к своим солидным годам никаких богатств он не заработал. Много раз посещал Германию, бывал даже в Америке. Последнюю, российский профессор посетил на средства собранные госпожой Де Бюер, пожелавшей, чтобы этот труженик отдохнул, любовался красотами Калифорнии.

Известно сколько бывших наших соотечественников самых разных национальностей покинули Россию. Германия многие годы осуществляла программу переселения немцев России в свою страну. Покинули родину тысячи и тысячи учёных, рабочих и служащих, выпускников ВУЗов, бывших военных, врачей и учителей. Неустроенность быта, трудности получения приличного образования, невозможность реализовать свои способности и возможности в науке и бизнесе, безработица и многие другие причины вынудили подавляющее большинство из них искать счастья на чужбине.

Получал приглашения переехать в Германию и даже в США и Евгений Николаевич. Ему предлагали прекрасную работу, все условия для занятия любимой наукой. В 2005 году бывший тогда президентом Германии Хорст Кёлер наградил, а посол Германии в России фон Плётц вручил Евгению Николаевичу орден «За особый вклад в развитие российско-германских культурных связей». Посольство Германии предложило Евгению Николаевичу на выбор три города, где посол готов вручить ему орден: Самара, Ульяновск и Энгельс. Награждённый выбрал свою родину - Энгельс.

Медаль Ульяновской области «Дружбы народов» номер один получил из рук главы нашего региона С.И. Морозова профессор Е.Миллер.

Евгений Николаевич страстно любит немецкий язык – это сфера его научных исследований. Около 20 монографий, учебников и учебных пособий написаны, и изданы им на немецком языке. От журналистов редакции он требует на работе говорить только на немецком. На проходившей в 1992 году в Саратове конференции немцев России, все выступали на русском языке. Поднявшийся на трибуну Евгений Миллер заговорил на немецком. Из зала

стали раздаваться возгласы, чтобы он говорил на русском: «Мы ничего не понимаем! - кричали из зала немцы Поволжья, - говори на русском!». Но выступавший на русский язык так и не перешел.

И, казалось бы, что этот человек должен был бы рвануть в благополучную, цивилизованную Германию при первой возможности. Там ему гарантирована спокойная, обеспеченная старость, возможность заниматься любимой наукой, слышать только немецкую речь. Но он остался в России.

На мой естественный вопрос, «почему», Евгений Николаевич ответил: «Родина у человека бывает только одна. Здесь жили мои предки, здесь я родился и прожил нелёгкую жизнь, здесь я и остаюсь навсегда. Там хорошо, но там я чужой, те богатства и благополучие созданы не мной, и мне там делать нечего». Это сказал убелённый сединами учёный, который первые шаги к знаниям делал буквально под конвоем.

Не без сожаления покинули Россию и многие мои знакомые. Все, как правило, в виду крайней нужды.

Окончивший несколько лет назад наш Ульяновский педагогический университет Алексей Ланцов несколько лет жил на четверть ставки преподавателя того же ВУЗа. Он прекрасный поэт и литератор. Издал в Ульяновске на свои гроши замечательный сборник своих стихов. Вот и всё, чего он смог достигнуть здесь у нас. Проживая ныне в Финляндии, он редактирует в русскоязычном журнале поэзию, участвует в международных конкурсах литераторов и получает нешуточные по нашим меркам премии за свои стихи. А душа поэта, корни его творчества остаются здесь, в России. Он, финн по происхождению, по России тоскует, ежегодно нас посещает, а жить и творить имеет возможность на чужбине.

Больше десятка лет льётся кровь на Кавказе. Всё началось с маленькой Чечни и перекинулось на все соседние с нею республики.

4

Так что же сближает народы нашей многонациональной державы? И что их разъединяет?

К сближению, к дружбе и добрососедству народов нашей страны есть только объективные предпосылки. И прежде всего, за многие десятилетия и столетия совместного проживания на необъятных просторах России сложилось единое экономическое пространство. Постоянно происходил и углублялся культурный обмен. Эти два фактора настолько действенны, что сегодня понуждают к сближению страны и целые континенты.

Объективных, жизненно важных факторов, которые бы действовали на разъединение народов, я привести не могу.

Сегодня я глубоко убеждён, что трения, раздоры и раного рода конфликты между народами существуют только из-за политики правящих в странах партий, недальновидных политических деятелей, узкокорыстных интересов определённых групп граждан тех или иных стран.

Более двадцати лет назад распался СССР. На его просторах образовались самостоятельные государства. А стали ли народы чужими? Нет! Русские цари присоединившие соседние народы столетия проводили политику русификации и обращения в христианство. Большевики разделили империю на республики по национальному признаку, но всю полноту политической власти сосредоточили в Москве. СССР КПСС объявлял единой братской семьёй народов, провозглашала складывание единой общности – Советский народ, но тому же патриоту России немцу профессору Миллеру въезд в режимные города страны был запрещён, как был он запрещён евреям, калмыкам и многим другим народностям, некогда незаконно репрессированным якобы только сталинским режимом.

Провозгласивший перестройку Горбачёв пытался «реализовать» большевистский лозунг о праве наций на самоопределение в плоть до отделения с помощью сапёрных лопат спецназовцев в Тбилиси, кровопролитием в Баку, десантниками – картофелекопателями в Прибалтике. Другими словами, политики нашей страны во все времена делали многое, что не способствовало сближению и даже сеяло недоверие между народами, разделило нас политически, а фактически? Де факто как были мы дружны и побратимы с украинцами, белорусами, грузинами, с народами Средней Азии и Прибалтики, так и остаёмся, не смотря ни на что.

Кровавые события в Чечне порождены были опять таки рвением к власти одних политиков и глупостью других. Да и причины сегодняшних событий на Кавказе надо искать в деятельности наших сегодняшних политиков.

А чтобы дружба народов нашей страны крепла и углублялась, чтобы было, наконец, покончено с, имеющими сегодня место, конфликтами и проявлениями русофобии, надо нашему народу, как и записано в конституции России, стать подлинным хозяином страны. Надо поставить под жесткий контроль

общественности наших чиновников, льющих реки пустословия о строительстве гражданского общества, но попирающих на каждом шагу элементарные права граждан, гарантированные конституцией. И тогда, только тогда Россия двинется вперёд в своём экономическом и социальном развитии, к чему призывает наш нынешний президент. Тогда разрешатся многочисленные наши сегодняшние проблемы, и в международных отношениях народов в том числе.

Слава Богу, что сегодня гражданам нашей страны уже не приходится хоть скрывать свою национальность, как это приходилось делать Евгению Миллеру, когда он пошел в первый класс школы бывшего СССР. Отвечая на вопрос о своей национальности, он и произнёс тогда слова, взятые мною в заголовок этих размышлений...

Рассказы

Жисть ты наша жисть...

1.

Огненный шар южного всё испепеляющего солнца немного скатился с верхотуры неба к закату. Жара спала и вымерший в обеденный зной не большой, затерявшийся в бескрайней степи городок, понемногу оживает.

Во дворе на завалинке, под высоким старинным, сложенным из самана и крытого камышом дома сидят белый как лунь розовощёкий, внушительного роста и телосложения старик и лет четырнадцати мальчуган. В сторону улицы залаяла собака. Мальчуган метнулся за угол и вскоре вернулся с газетой в руках.

- Это почтальонка.

- Читай што пишут, - оживившись, сказал старик.

Внук раскрыл газету, лениво пробежал взглядом по её заголовкам и протянул:

- А ничего интересного, - протянул он звонким голосом, свернул трубкой газету, глянул в неё, как в подзорную трубу на песчаную косу, что белела вдали и куда он каждодневно ходил за пресной водой, потом бросил газету на завалинку и приготовился куда-нибудь исчезнуть. Но в это самое время, мягким, каким - то плутоватым голосом старик не то спросил внука, не то съязвил:

- Што ж и про райскаю жисть не пишут?

Внук резко развернулся к деду, готовый что-то сказать на его обидные слова о жизни в социалистической Родине, но дед продолжил:

- Там хорошо, там ешо лучше, а как куды ни кинеся...

- А что? Разве не правда, что хорошо живём? Разве в стране не улучшается жизнь? - Выпалил внук, - смотри: налоги отменили, хлеб на трудодни дают, из МТС тракторы в колхозы отдали, целину поднимают. Во! Скоро так заживём!...

Выговорившись, и приободрившись уверенностью, что своими железными аргументами он доказал деду его не правоту. Но хитрющий упёртый дед спокойно, вроде бы даже

соглашаясь с мнением внука, и в то же время, как-то хитро продолжая гнуть свою линию, почти на распев, протянул:

- Да оно-то, вроде, и т-а-а-к. Хоть бы уж. Сколько ж можно голодать-то...

- Так война ж была! – Резко развернувшись к деду выпалил внук, - ты что? Забыл!?

- Да не-е-т. Не забыл. Война ж и в четырнадцатом была. А опосля ниё ешо и Гражданская. И засуха страшная была. Усё было. Ох, как тяжело ж было! Но кагда всё закончилось, значит, дали нам землицу, работать стали, всё и наладилось. А сичас?! Десять лет как войны нету, а голод.

- Ни чего ты деда не понимаешь. Вот послушал бы ты нашего Ивана Степановича, тогда б так и не говорил.

- Да оно понятно. Вы теперь все учёные, ... да голодранцы, - неожиданно съязвил старик.

На это внук уже ни чего не ответил. Он прекрасно понимает, что дальше спорить с дедом бесполезно. Он вроде, как и соглашается с его доводами, а всё равно бубнит своё. Да и спорит он как -то не понятно. Вроде как бы и не с ним. Да ещё и насмехается на его неоспоримые доказательства.

Парень притих, собираясь к своим друзьям. Вон уже поверх саманного забора показалась черная как смоль голова длинноногого соседа Вовки Пугача, потом, подпрыгнувши, выглянул белобрысый коротыш Толька.

- Я, деда, пошёл.

- Ступай, ступай, - уже с теплотой в голосе произнёс дед.

Внук шмыгнул за угол, а с завалинки донеслось:

- О... хо-хо-хо-о-о! Жисть ты наша жисть, кагда ж ты похудшаеш ?...

- Вот чудак! - размышляет внук, остановившись на мгновение - плохой жизни хочет. Старый уже. Совсем из ума выжил, как говорит бабушка.

2.

Долгие годы непонятны были внуку дедовы рассуждения и присказки-желания плохой жизни. И только уже в зрелые годы, когда жизнь поучила кое-чему и его самого, стали понятными рассуждения, вся глубина филофского мышления его прародителя.

Дед не имел никакого образования. Кроме толстенной библии и еванглия не прочёл ни одной книги. Но через его нелёгкую судьбу прошли войны и революции, коллективизация и индустриализация, засухи и голодовки. Все тяготы и лишения он испытал на своей шкуре и для понимания всего происходившего в нашей истории ему не нужны были школьные учителя и статьи в газетах.

После революции и Гражданской войны большая его семья бедствовала. В двадцать четвёртом дали землю и разрешили заводить хозяйство. Тогда деду было уже за пятьдесят, но был он ещё силён и крепок. С тремя сыновьями выехали в степь. У подножия горы, которую венчают три древних кургана, на юг раскинулась широкая долина. На сколько видел глаз, словно по морю, лёгкий ветерок гнал золотистые волны косматой ковыли. В самой низине долины, собирая с разных сторон ручьи, зеленела крутыми склонами балка. Два её русла были довольно глубоки и сочились родниками.

У рукава, который впадал в балку с северной стороны и решили ставить хутор. Первым делом вырыли просторную землянку. Из камыша и собранного по балкам бурьяна соорудили для скота баз с навесом. Единственной лошадёвкой распахали несколько десятин земли, а там, где соединялись мокрые рукава балки, сообща с соседями соорудили небольшую плотину. По положому северному склону балки вдоль ручья вскопали землю под огород.

Так и жили, год от года ценой невероятных усилий и трудов, увеличивая хозяйство. Года через четыре у деда уже было пять коров, три пары быков, три лошади, десятка четыре овец, много гусей, уток, кур. Обзавелись косилкой и молотилкой, немного приоделись. В несколько раз больше стали пахать пустовавшей земли. Сажали даже

бахчу. Подросшие три сына, две его и приёмная дочери, стали хорошими помощниками в работе. Старшие уже стали создавать свои семьи и понемногу заводить своё хозяйство.

Одним словом, жизнь, как и говаривал внуку дед, быстро налаживалась.

Но в конце двадцатых, как выстрел, слух крестьянина резануло слово “коллективизация.” Недоумевал крестьянин, зачем надо, кто просил освободить его от тяжелых трудов и бесконечной думы - заботы о дне насущном. Тяжел был хлеб крестьянский, но как иначе в тех условиях можно было обеспечить нормальную, достойную жизнь труженику?

Шли годы. Люди в товариществах, потом в колхозах работали, но лучше чем прежде, их жизнь не становилась. Видел всё это дед, глубоко понимал корни всего происходившего и посмеивался над “граматеями” - преобразователями, бесконечными потоками словословия хаявших прежнюю при царе “плохую” жизнь крестьян. Хорошо или плохо жилось деду в прежние, доколхозные времена он знал и без учителей, газетчиков и прочих пропагандистов - агитаторов, не понимавших простой истины, что проживающая в хоромах канарейка не счастливее воробья. Она сыта, в тепле, но... в клетке.

Тяжко пришлось деду после коллективизации. Его лишали права голоса. Давили непосильными налогами, одним из первых он был в списке на раскулачивание и высылку, но колхозником он так ни когда и не был. Набожный, безграмотный, с виду простоватый мужик, он в том, не простом водвороте событий оказался человеком хитрым и изворотливым.

Когда в самом начале коллективизации комиссия по раскулачиванию во главе с питерским рабочим “двадцатитысячником” пришла на его двор описывать скот и имущество, сараи и баз были пусты. Заблаговременно дед отделил двоих сыновей и старшую дочь, естественно, переписавши на них инвентарь и скотину. Единственную коровёнку и лошадь он уже переписал на младшего неженатого сына моего отца.

- Тут описывать нечего. Пошли дальше, - сказал председатель комиссии после проверки двора и дедовых бумаг.

А всех остальных “подлежавших”, раскулачили и в тот же день подводами отправили на ближайшую станцию, где был сборный пункт. Потом в одну из ночей всех посадили в вагоны и увезли за Урал.

- Посуди сам, - говаривал он - в 905, во время ярмарки, оставшиеся дома одни дети подпалили в крайнем дворе стог соломы. Был сильный ветер, и весь наш порядок от проулка до ветряка сгорел. Погиб весь скот, сгорели дома и подворья, но остались хозяева. А добро, слава богу, мы нажили, дома и подворья отстроили. Ни у кого, ни чего не просили. Или вот в войну! Много, очень много народу перебило, перекалечило. Но это ж с каждого двора одного - двоих, а тут всех, под корень и старых и малых... Все сгнули. Все. Ни кто не вернулся, ни про кого, ни чего и не слышно... А какие хозяева были! Как люди работали! Ох-хо-хо-о-о!... Всё ж, что у них было не украдено, нажито было своим трудом.

Всякий раз после этих слов дед тяжело вздыхал, крестился и долго молчал, погрузившись в свои нелёгкие воспоминания.

Такое поведение деда, его мудрёная крестьянская философия его внуку очень долго были непонятны.

А. Перепелятников

Мамина тыща

Купленная несколько лет назад моя «бэушная волжанка» всё чаще стала ломаться. Ещё прыткий движок стал много потреблять горючего. Чихал карбюратор, заскрипела подвеска. Дети, видя начавшиеся мои муки, всё чаще стали досажать меня разговорами о необходимости машину поменять. Приехавшая из Москвы дочь повезла меня в один из городских автосалонов и оплатила иномарку. Пока шли из Москвы документы на оплаченную машину, я занялся продажей моей старушки.

В один из дней областные гаишники переоформили на нового владельца документы на моё авто, получил я с покупателя оговоренную сумму и передал ему ключи. Шустрый молодой мужчина сел в кабину, включил мотор и начал трогаться со стоянки. И тут, неожиданно для себя самого, я махнул рукой новому её хозяину, чтобы он остановился. Парень остановился, опустил стекло двери:

- А что случилось? - с испугом спросил он.

- Да нет. Ничего не случилось. Извини меня за сентиментальность. Дай я с нею попрощаюсь, - сказал я.

Парень гмыкнул, насмешливо глянул на меня, потом медленно вышел из машины.

- Ну, давай дед, давай прощайся. Целоваться с нею будешь или как?

- Целоваться не буду, дай минутку в последний раз в ней посижу?

- Ладно. Садись, посиди,- сказал он и отошел в сторонку, закуривая.

Не знаю, сколько сидел я за рулём моей бывшей машины, но в те мгновения предо мной промелькнули годы и годы. А дело в том, что когда новый хозяин моей волжанки собрался уезжать, меня пронзила мысль, что уезжают от меня навсегда не только наши с женой заработанные, но и мамина тысяча рублей, доставшаяся ей нелёгкими трудами послевоенных пятилеток. Вот с чем прощался я в те минуты.

Откладывать из заработанных в колхозе мама не могла. В первые послевоенные годы работники нашего колхоза часто все были должны. Уже в середине 50-х, когда стали платить деньгами за трудодни, за год работы мама получила только девятьсот рублей.

Когда вначале семидесятых она вышла на пенсию и переехала жить в мою семью, за гроши она продала нашу саманную избёнку. Плюс к тому, в начале семидесятых стали гасить государственные займы послевоенного сначала восстановления, а потом и развития народного хозяйства СССР. Так и образовалась её тысяча.

Когда мама приехала к нам в Сибирь, тут же доложила нам с женой, что у неё есть деньги: «Целая тыща рублей!» Я потребовал, чтобы она положила свои деньги на книжку и успокоилась.

Несколько лет деньги и были на книжке в Сберкассе. Но вот в конце семидесятых решили мы с женой купить машину. Начали помаленьку откладывать. Мы ещё не накопили нужную сумму на «Запорожец», как неожиданно пришла открытка с приглашением в магазин за покупкой. Кинулись мы с женой по друзьям и знакомым с просьбой перехватить недостающую сумму. Услышала мама мой разговор по телефону с сослуживцем на тему о займе, подошла ко мне, после того как я положил трубку, и говорит: «А моя тыща! Ты что ж, забыл!? У людей занимаешь, а мне молчишь! Что же это получается? Как же так можно...!»

После серьёзной маминой отчитки я снова позвонил сослуживцу и поблагодарил за готовность выручить. На «Запорожце» покатались мы года три. Без ущерба продали и купили «Жигулёнка». Потом был УАЗ и, наконец, вот эта проданная ГАЗ-3110. Так из машины в машину и переходила та мамина тысяча. А тут произошел как бы обрыв. Ведь в новая машина уже оплачена и в ней больше не будет маминой «тыщи»! Она, словно сейчас уезжает от меня навсегда, как и сама мама, умершая на моих руках несколько лет назад.

Сентиментальность? Да, как сказать...

Знал, очень хорошо знал я, как та тысяча рубликов маме досталась.

... В пятьдесят первом году от всех наших колхозников власти потребовали подписываться на пятьдесят процентов годового заработка. Мама от подписи на заём наотрез отказалась. С первого раза от займа отказались многие наши колхозники. Помню, как проходило одно из ежегодных собраний колхозников по случаю подписки на государственный заём. На молочно-товарной ферме колхоза собрали всех животноводов. На большой лужайке за кошарой поставили деревянные скамейки, красной скатертью накрыли и поставили перед скамьями шаткий на ножках буквой «Х» стол. Перед началом собрания нас, босоногую любопытную ораву прогнали подальше. О чём там за кошарой шла речь, мы не слышали. Слышали только время от времени возникавший шум возмущённых мужских и женских голосов. Только на следующий день пацаны постарше поведали нам шкетам, что вчера приезжали подписывать наших мамок на «облигации». Ну а что это такое и почему наши мамы возмущались и многие из них плакали, сообразить мы тогда не могли.

Но работа с отказниками продолжалась, и в отказниках мама оказалась единственной в нашем колхозе. Как ни уговаривало и не ругало её колхозное начальство, мама стояла на своём. Уже летом того же года, очевидно, при подведении итогов подписки, о маминой дерзости узнали в горисполкоме тогдашнего города Степной. И вот однажды, в низовье балки Харсала пасём мы с мамой колхозное стадо коров. Я верхом на лошади мотаюсь из конца в конец балки, заворачивая назад коров, намеревающихся удрать на пшеничное колхозное поле, а мама присела на небольшом холмике, внимательно следит за стадом, время от времени, отдавая мне распоряжения. И тут она заметила, как к нашему степному стойбищу подкатила легковая машина. Было видно, как тётя Фёкла, готовившая обед, показывает высокому приезжему мужчине в нашу сторону. Мама быстро спустилась в овраг, сняла свои задубелые изношенные кожаные тапочки и спрятала их под кустиком. Когда она поднялась на пригорок, машина уже подъезжала к нам. Вот тянувшая за собой облако рыжей пыли легковушка резко напротив нас остановилась, и из неё вышел важный начальствующий человек. Когда он подошел и поздоровался с мамой, спросил:

- Вы Перепелятникова Мария Кондратьевна?

- Я, - робко ответила мама.

- А почему вы не подписались на облигации Государственного займа? Вы что ж не хотите нашему государству помочь восстанавливать наше народное хозяйство? Вы единственная из колхозников вашего колхоза, кто отказался от подписки. Вы знаете об этом?

Неожиданно с маминого лица исчез испуг, она сделала решительный шаг в сторону приезжего и сквозь слёзы выдавила:

- А вы знаете, что мужик мой погиб на фронте и на иждивении у меня остались его старики да вон сын?

Мама при этом хворостиной показала в мою сторону.

- Чем я их буду кормить, если подпишусь? Ладно, я сама по колючкам хожу босиком, так и дитё ж до сих пор в такую жару ходит в валенках. Вон посмотрите. – И она снова указала в мою сторону.

После этих маминых слов, важный начальник снял с головы свою соломенную шляпу, белой ручкой провёл по седеющим волосам, нервно взмахнул рукой и, не говоря ни слова, резко развернулся и пошел к машине. Опять поднялось облако пыли.

Я быстро подъехал к плачущей маме. С подкатившим к горлу комом принялся её успокаивать, но она резко от меня отвернулась и велела скакать и завернуть уже проникших в пшеничное поле коров.

Осела вдоль дороги рыжая пыль, нещадно с верхотуры неба палило солнце, я сидел в седле буланого и неотрывно смотрел на сгорбленную фигурку мамы.

Больше маму по поводу подписки на облигации ни кто в тот год не тревожил.

А в валенках я был потому, что сильно натёр ноги о ремни стремян Буланого. Тот дончак был очень высокого роста с непомерно большим животом. Сидеть в седле на его спине

приходилось, делая, почти, поперечный шпагат и ремни для стремян до крови растирали нам пацанам голени наших ног. Потому-то мама и одела мне свои зимние валенки. Так исхитрившись, мама обманула самого председателя Степновского горисполкома, отказалась, или, как сейчас говорят, отмазалась от государственного займа. Она была совершенно права, нечем ей было тогда помогать восстанавливаться стране, нечем. Ведь по итогам работы в том году она получила в колхозе только один пуд зерна....

Шухер! Сталин...

На живописном волжском берегу, среди дубрав, сосновых и берёзовых околков с размахом раскинулось старинное русское село. К крайней его улице, со стороны Волги, примыкает большая поляна. На ней и выделили нашему садовому товариществу участки. Близость к городу и селу, постоянное автобусное сообщение с городом привело к тому, что участки стали застраиваться не только крошечными садовыми домиками, но и домами, вполне приспособленными к круглогодичному проживанию. Вот и мой сосед Кузьмич домишко построил утеплённый, соорудил в нём печь, построил баньку и поживает, не зная горюшка, в деревне круглый год. Развёл кур, уток, кроликов. Завёл дойную козу Дашку. По весне покупает поросёнка. Летом, правда, приходится заготавливать дрова на отопление, да корма для своей многочисленной живности, но зато до следующего лета живёт и в ус не дует.

Однажды летним вечерком выглянул я на нашу дачную улочку. Вижу, мой сосед сидит на бревне у забора со своим братом, курят и что-то бурно обсуждают. Естественно, я тут же к мужикам и присоединился. Брат Кузьмича проживает в дальнем районе. На время уборки урожая его перевели работать на совхозный ток механиком. Обсуждали мужики дела в некогда богатом хозяйстве:

- Понимаете? – смывая дешёвую сигарету говорил Фёдор, - привозит водитель на ток зерно от комбайна, заезжает на весы, взвешивается и сыпает зерно в бург. Учётчица отмечает в путёвке рейс и количество привезенного зерна. Опять за зерном к комбайну водила ехать не спешит. Обьезжает с другой стороны зерносушилку, подъезжает под бункер, сам его открывает, насыпает полный кузов зерна, и поехал домой обедать... И так каждый! На виду у всех! Начальство везёт себе, рабочие себе. Откуда будет прибыль, деньги на зарплату, на бензин и всё другое? Не-е-ет, ничего хорошего при таких делах не будет. И податься некуда.

- Сталина надо поднимать, Сталина! Хоть на годок-другой! И стрелять таких, стрелять, да в Сибирь, на Колыму! Только так можно навести порядок! Только так! – с запалом выкрикнул Кузьмич, - я пацаном с десяти лет в том хозяйстве работал. Тогда это был колхоз. И на току работал, и комбайн во время уборки трактором таскал. Воровали, конечно, и тогда, но как?! Возьмёшь маленько курам и огородами, огородами. Не дай бог кто увидит! Это конец! Не то за мешок, за килограмм зерна пять лет давали!

-И всё равно воровали, - вступил я в разговор.

-А как было жить?!- выпалил Кузьмич, - их четверых, он кивнул на Фёдора, надо было чем-то кормить. На трудодни дадут осенью, когда все поставки государству выполнят. Да и сколько дадут?! А теперь развели демократию, новую жизнь строим, богатыми решили быть..., палил и палил Кузьмич.

Посидели мы ещё минут двадцать, потолковали, и Фёдор заспешил на автобус. Поднялся, собираясь уходить, и я.

- Слышь, - остановил меня Кузьмич, - если не приедет сын, ты мне поможешь? Тут мне кое-что должны привезти, а сына пока нет, наверняка задержали на работе.

- Ясное дело, помогу. Крикни, - ответил я и заспешил к ужину.

Не успел я закончить трапезу, как услышал гул грузовика в улочке. Захватил рабочие рукавицы и заспешил к соседу.

Пятитонный самосвал потихоньку пятился задом ко двору Кузьмича, а тот волоком вытащил из двора брезент и стал его расстилать на дороге напротив ворот. Когда самосвал доехал до брезента, мы разом крикнули: «Стой!». Пыхнув тормозами, грузовик остановился и начал поднимать кузов.

С грохотом откинулся задний борт, и на брезент водопадом пошла золотистая пшеница. Грузовик опустил кузов и укатил, оставив на брезенте кучу зерна тонны на полторы. Кузьмич принёс охапку пустых мешков, вышла с пустым ведром его жена Рая. Она взяла в руки мешок, передавая мне ведро, сказала: «Я буду держать, ты насыпай, а он пусть таскает». Я споро заработал ведром. Кузьмич только успевал относить во двор мешки. Минут через двадцать ведро уже не черпало пшеницу. Кузьмич забрал его у меня и унёс во двор. Ушла во двор Рая. Мы с кузьмичём взяли за углы брезент с остатками зерна, занесли во двор. «Ну, теперь я сам, спасибо тебе, с меня причитается», - сказал Кузьмич. Он взял у порога металлический совок и, нагребая рукой в него зерно, стал собирать с брезента остатки. Я, направляясь домой, вышел в проулок и тут, неожиданно для самого себя я метнулся обратно во двор Кузьмича и приглушенно крикнул: «Шухер!»

Кузьмич схватил в охапку брезент с остатками зерна и пулей метнулся в сарай, через мгновение выбежал оттуда, быстро запер его на большой висячий замок.

Мой сигнал, к сожалению, через открытую дверь услышала и хозяйка дома. Перепуганная, она выбежала на крыльцо, махая руками, тяжело дыша, велела нам быстро уходить со двора, куда-нибудь спрятаться. Кузьмич уже был готов нырнуть в калитку, что вела в огород, а я в неловкости стоял у ворот, поняв, что своей шуткой хватил лишнего. Видя, что я не убегаю и не прячусь, Кузьмич осторожно подошел к воротам и через калитку выглянул в обе стороны улочки.

-А чо случилось-то, не пойму? Кого испугался?

Я склонился к самому его уху, чтобы не слышала его жена и тихо, нараспев сказал:

- Сталин...

Кузьмич посмотрел на меня в упор долгим, каким-то неопределённым взглядом и, выходя за ворота, прогудел: «Отбой тревоги!»

Из сеней робко выглянула Рая: «Кто, кого там чёрт принёс? Фатьянов, что ли?» Кузьмич, прикуривавший сигарету, молча махнул ей рукой и, улыбаясь беззубым ртом, сказал мне мне:

- Ну, и что, ей сказать?

Я шмыгнул в калитку и был таков.

Баба Катя и технический прогресс.

рассказ

На высоком волжском берегу разрослось, посвежело новостройками не большое, с исконно русским названием село. Хоть из-за близости к городу население села и растёт, но когда-то бывший не бедным совхоз развалился окончательно, в селе не стало работы. Все работоспособные потянулись в город. Вот и дети бабы Кати давно устроились в городе. К матери сыновья со своими семьями навещают регулярно. Обрабатывают не маленький огород, в исправности поддерживают большой родительский дом и все постройки.

Как часто не навещают к старушке сыновья и внуки, как хорошо не управляют её подворье, но уедут домой и остаётся она в большом добротном доме одна - одинёшенька.

В последнее время стала туговата на ухо, побаливает. Испереживались сыновья за маманю.

Но вот на северной окраине села поднялась, засияла по ночам красными огнями вышка сотовой компании. Тут то и решили сыновья и внуки купить бабе Кате сотовый телефон. Всё знающий внук слетал в город, купил аппарат, настроил мудрёную штуковину на самый громкий сигнал вызова. Потом долго втолковывал бабуле, как ответить на звонок и как позвонить самой. Даже потренировал “ученицу”.

Положил внук телефон на стол в передней и успокоенный укатил в город.

Чезез несколько дней соседский мужик Володя с утра залез под свой грузовик и разбирался со сцеплением. Неожиданно позвонил сын бабы Кати и, встревоженный, извиняясь за беспокойство, стал просить дойти до матери и глянуть что там и как:

- Звоним, звоним, а она не отвечает. Я после работы проскочу к ней, но сейчас, никак не могу. Выручи, пожалуйста, сходи, узнай, что там у неё, и перезвони мне.

Вылез здоровенный Володя из-под своей кормилицы, вытер тряпкой руки, и как был в промасленной робе, так и поспешил через улицу.

Позвонил звонком, постучал в ворота - тишина. Тогда Володя, не долго думая, перемахнул через ограду в палисадник и давай осматривать окна дома.

Сразу отлегло у него от сердца, как только увидел у большого окна кухни рыхлившую землю и поливавшую рассаду, в прекрасном настроении пребывавшую бабу Катю. Завидев Володьку, баба Катя вытерла о фартук руки и пошла открывать.

- Тётъ Катъ, - начал с порога Володька, - а чё не отвечаешь по телефону? Пашка всё утро звонит, а ты не отвечаешь. Переполошились...

- Не знаю. Никто не звонил.

- А ну давай проверим его, может, чего не так нажала.

- Пошли, глянешь.

Когда вошли в переднюю, баба Катя открыла шкаф, вынула свёрток из чистой мягкой тряпицы, развернула его, извлекла телефон и протянула Володьке, но тот телефон не взял, а развернулся и пулей вылетел из избы... Старушка в недоумении с минуту постояла посреди комнаты и выглянула в окно. Увидевши, что Володька с кем-то говорит по своему мобильнику, успокоилась, «Кому-то надо было срочно позвонить», - сказала она себе и присела на диван.

Позвонив и успокоив друга детства, от души насмеявшись, Володька зашел в избу, взял со стола телефон бабы Кати, и, подойдя к изумлённой старушке, повесил его ей на шею.

- Это ещё зачем, Володя?

- Так надо тётъ Катъ! Только так его и носи, а то он работать не будет. Вот так его за фартук спрячь и носи, а позвонят - отвечай. Поняла?

- Да внучок - то мне тоже так говорил, да я решила его подальше прибрать. Вещица-то дорогая. Вот придумали на мою шею, вот придумали. Всю жисть крестика не носила, а тут на те бабуля, носи.

Беззлобно повозмущавшись, добрая душа баба Катя засемила к славной своей рассаде, смирившись с требованиями технического прогресса.

Итоги

В травматологии прошел врачебный обход. Подойдя к кровати Михаила Николаевича Котомкина, лечащий врач молодой, полный, но энергичный человек велел ему собираться домой. «С нашей стороны вы полностью здоровы. Голень левой ноги ещё отёчна и ощущаются боли при ходьбе, но это уже не основание держать вас в стационаре. Кости целы, сустав на месте. Имел место ушиб или растяжение сухожилий. Мы провели необходимый курс лечения, долечитесь амбулаторно. В выписке я написал рекомендации, хирург поликлиники будет наблюдать и может назначить вам дополнительное лечение».

Михаил Николаевич получил у сестры-хозяйки свою одежду, переделся, собрал все свои вещи в пакеты и холщевую сумку и стал ждать сына, которого предупредил накануне

о возможной выписке. Сыну велел прийти к двенадцати часам. Михаил Николаевич был уверен, что Сашка придёт раньше, но было уже без четверти двенадцать, а его всё не было. У двери палаты он присел на стул и застыл в тревожном ожидании.

Сестра хозяйка сменила на его кровати простыни и наволочку, взбила подушку и красиво водрузила её в изголовье. Одеяло в цветастом пододеяльнике аккуратно заправила по центру кровати. «Как легко и проворно справились женские руки с этим нехитрым делом, - подумал старик, - никто из нас восьмерых обитателей палаты ни разу так просто и красиво не заправил свою кровать, хотя и старались ведь».

В эти тягостные минуты ожидания сына невольно нахлынули нелёгкие воспоминания.

Когда-то и он имел вот такую же проворную, во всём аккуратную, всё умевшему по дому делать, жену. Больше десяти лет назад уехала она к дочери в Сибирь поводить с малышом, да так там и осталась. Сначала обещала приехать, но два года назад дочь купила ей однокомнатную квартиру, и теперь уже ждать её бесполезно. «Так и придётся доживать век с этим непутёвым Сашкой», - подумал он и на глаза неожиданно навернулись слёзы.

Видя, что старик вынул носовой платок, сморкается и протирает глаза, «ходячий» сосед по палате стал успокаивать его: «Не расстраивайтесь, я вас провожу до остановки, посажу на маршрутку».

- Спасибо, дорогой. До остановки-то я и сам с передыхом как-нибудь доковыляю. Но если этот паразит не приедет, я и домой-то не попаду, да и денег на дорогу с собой нет. Вот в чём проблема.

- Родственники или друзья поблизости проживают? – подал голос мужчина с кровати от окна.

- Да мне бы только добраться до дома, а там весь подъезд меня знает, у любого посижу, пока он появится.

- А денег займут? – спросил мужик, вызвавшийся проводить.

- Запросто. Я ж не алкаш. Никогда, ни у кого не занимал. Наоборот все ко мне идут перехватить до пенсии. У меня пенсия хорошая, больше пяти тыщ.

- Тогда всё просто. Я посажу вас на такси. Это будет стоить вам примерно рублей двести пятьдесят. Доедете до дома, займёте у соседней денег, рассчитаетесь и ждите сына.

- Да я заплачу и пятьсот. Деньги то у меня дома есть. Вот только не нашел бы он их. Что были в кошельке, тех уже, наверняка, нет. Их Сашка пропил, это точно. А вот нашел ли он мою заначку – вопрос. Если нашел, то остался я гол, как сокол.

- И большая сумма была в заначке? – спросил мужик от окна.

- Пятьдесят тыщ. Собрался переложить в другой банк. Там акцию объявили под хороший процент. В Сберкассе ж только шесть для пенсионеров. Немножко там оставил, а эти решил переложить, да вот не успел, сюда попал.

В палату вошла сестра и стала делать уколы лежачим больным. Ходячие потянулись в процедурный кабинет. В палате установилась тишина. Кругом суетились, занимались каждый своими делами, про старика на время забыли.

А он опять погрузился в свои грустные думы:

- В соседней палате лежит старик не моложе меня, так к нему ж идут целый день: то сыновья, то снохи, то внуки. Даже соседи приходили, а я..., - подумал Михаил Николаевич и горький ком опять подкатил к горлу, - почему мой-то сын не такой, что я с ним сделал не так?

Опять пришлось вынуть платок и вытирать промокшие глаза. На этот раз никто его расстройства не заметил. Через несколько минут старик успокоился, сидел неподвижно с закрытыми глазами, словно уснул. А воспоминания снова и снова, как волны широкой Волги накатывались и накатывались на его стариковскую голову.

Вот он молодым парнем окончил в родном селе семь классов и стал работать с отцом в колхозе. В армию попал на Дальний восток под Хабаровск. Год учился на моториста и шофера. Два года служил на военном аэродроме дизельгенераторщиком. Если в городке

или на аэродроме отключался свет, а случалось это очень часто, Михаил немедленно запускал мощный дизель и давал ток. Когда заканчивал службу, как агитировал его зампотех остаться на сверхсрочную! Как агитировал! Не остался. Приехал домой, а что делать в колхозе? Дал председатель старый разбитый «газон» - работай, говорит на этой, жди новую. А как на том металлоломе было работать, коли она каждый день ломалась?

Однажды приехал в деревню материн брат дядя Степан. Посмотрел он, посмотрел на Мишкину работу и позвал в город. Помог устроиться в гараж Горкомхоза. На бортовом ЗИЛе стоял у Михаила дизельгенератор и сварочный аппарат. С бригадой ремонтников обслуживали городские теплосети. Через полмесяца дали общежитие, зарабатывал по тем временам хорошие деньги. Когда женился – дали служебную однокомнатную квартиру, через десять лет получил на неё ордер. Потом дали двухкомнатную. В садовом товариществе на берегу речки дали шесть соток земли. Жил нормально: росли дети, хорошо отремонтировали и обставили квартиру, купили всё, что нужно для дома - денег на всё хватало.

Жил, как все, а на старости не как у всех. Почему? Судьба? Мужчине у окна сестра, впорхнувшая в палату как мотылёк, сняла систему. Он сел на кровати и спросил, обращаясь к Михаилу Николаевичу:

- А травмы-то не от сына получили?

- О нет! До этого пока не дошло. Бог миловал. Бывает, накричит, но руку пока не поднимал. Нет. Это я сам. Верите? На Первое мая - не выпил ни грамма. Не выпил и на Девятое. Это ж какие праздники! Нет, не выпил! А тут пошел, получил пенсию, зашел в магазин, набрал продуктов и решил взять маленькую. Пришел, значит, домой, приготовил хорошую закуску и выпил ту четвертинку. Показалось мало. Решил пойти и ещё одну купить. Вышел на лестничную площадку, голова закружилась, а дальше и не помню, что и как произошло. Очнулся наутро уже здесь в палате. Голова забинтована, рёбра не дают вздохнуть, рука сломана, нога ноет. Вот так и случилось. И выпил-то всего четвертинку. Раньше, бывало, поллитровку оприходую и ничего, нормально. А сейчас уже силы не те. Уже не те.

- Вот оно что. Выпивоха, значит, - заключил собеседник.

- О нет! Алкашом никогда не был. Жена, правда, ругалась, что выпивал. Это было, но они ж все нашего брата пият за это. Зарплату я не пропивал, нет. Мы на шабашках хорошо зарабатывали. Не было того дня, чтобы мужики, из бригады, которую я обслуживал сваркой, не нашли клиента. В течение дня или после работы сделаем шабашку, возьмём по бутылке на брата, в гараже культурно выпьем и по домам.

- А сын-то рос хулиганом? - не унимался мужик.

-Ну, это было. Так я же с ним строго, спуску не давал. Когда поставили на учёт – высек. Крепко высек, чтобы не повадно было по ночам шастать, да на чужое зариться. Всё у него, я вам скажу, было. Был сыт, одет, обут, што ещё нужно? В армию пошел – отслужил. Там где служил, женился. Три тыщи отвезли мы тогда с женой на его свадьбу, но через год он приехал. Выставили его жена с тещей. С тех пор так и живёт со мной, так и тянет, так с меня и тянет, - тихо сказал старик, тяжело вздохнул и замолчал.

Молчал и его собеседник у окна. Минут через десять Михаил Николаевич глянул на часы и стал подниматься. Отдыхавший после укола сосед подскочил с кровати, подхватил сумку и пакет, старик попрощался с соседями по палате и вышел.

06.2008 г.

Телевизор

рассказ

В начале шестидесятых, молодым лейтенантом служил я в одном дальнем сибирском гарнизоне. Шло сооружение важного для обороны страны предприятия. Основную

рабочую силу на стройке составляли военные строители. Служил я в автомобильном батальоне. На огромной стройке работы велись круглосуточно и строго по графику. Строительный процесс перевозкой различных грузов и стройматериалов обеспечивали мы, автомобилисты. Поэтому главным рабочим местом у нас офицеров автобатальона был автопарк, да строительные объекты. За каждым офицером начальник штаба батальона майор Андрющенко закреплял по несколько десятков автомобилей. Мы головой отвечали за их исправность, ежедневный выход каждого грузовика на линию, и их работу на объектах. Почти ежедневно дежурили мы на стройке. Нам разрешалось подбирать себе водителей с автомобилями и использовать их во время этих дежурств. Мы объезжали строившиеся объекты, карьеры, бетонно-растворные узлы, диспетчерские различных СМУ, контролируя и решая самые разные вопросы работы наших солдат водителей.

Я подобрал себе ЗиЛовский самосвал с водителем Керимовым, комсоргом одной из автомобильных рот. Керимов призывался из Азербайджана, окончил только начальную школу, но был опытным водителем, очень дисциплинированным и принципиальным человеком. Месяцев шесть мы носились с ним на ЗиЛе по дорогам огромной стройки. Утром помогали закреплённым за нами водителям завестись и выехать на линию, а в зимние холода дело это очень не простое. Помогали устранять поломки в пути, обеспечивали бесперебойную поставку бетона и раствора на объекты, следили, чтобы водители не отклонялись от маршрутов, и прочая и прочая.

Как-то по пути из батальона в автопарк Керим, немного помявшись, спросил меня:

-А что, товарищ летенант, мая харашо слюжит?

-Ты что, Керим? - ответил я. Кто ж у нас, как не ты лучший солдат? Что? Может, мы мало тебя поощряем?

- Андрющенко курилка гаварил, новые машина скоро привезут. Дай мне новая машина, а?

- Ладно. Поговорю с Андрющенко и с завгаром. Договорились.

Дня через три вызывает меня начальник штаба в диспетчерскую и говорит: "Ты просил своему Кериму новую машину, так вот сегодня оставляй его в гараже, сейчас передаст свою машину вот этому мужчине, а после обеда поедет на станцию разгружать эшелон с новыми".

Взял я на тот день себе другого водителя из числа своих подопечных и поехал на отведенный мне на тот день маршрут. Отдежуривши, в конце дня я проехал в автопарк, глянуть, что за автомобиль дали нам с Керимом.

Только я прошел проходную автопарка, как увидел, что со стороны ремзоны с перепуганным, перекошенным и покрасневшим лицом бежит ко мне мой Керим. Вот крайне взволнованный, с покрасневшим лицом солдат подбежал ко мне и, не поприветствовав, сжавши ладонями свою голову запричитал:

- Ай, товарищ литинант, ай товарищ литинант! Ай, беда, беда-а! Ай, какой беда-а!

Крайнее его волнение невольно передалось и мне, и я, схвативши солдата за плечо, резко потрянул его и выкрикнул:

-Что случилось!?! Что натворил?!

- Нэт! Ничаго не сдэлал! Нэ нарушил! Нэт! Нам плахой, очен плахой машин дали! Панимаеш? Эта савсем не машин! Ездит на ном нилзя! Мая ни может! А наш уже атдали гражданскому! Как будем ездит!? Панимаеш!?

Узнавши, что к чему, я успокоился и стал успокаивать Керима и велел вести меня к новому автомобилю. Когда завернули за здание ремонтного цеха, увидели на огороженной и охраняемой площадке два длинных ряда сверкающих краской новеньких автомобилей. Были эти автомобили какой-то причудливой, невиданной ранее мною формы. Впереди, прямо на передних колёсах, особняком стояла небольшая тупоносая двухместная кабина. Под вертикально расположенным, слегка закруглённым лобовым стеклом шла вертикальная обшивка передка, оканчивавшаяся бампером. За кабиной на раме возвышался небольшой дощатый кузовок.

- Ну и чем плоха эта машина?- спросил я Керима. - странная, но ездит же?

- Панимаеш, таварищ литинант? У нармальный машин cabina! Там сижу я. Патом рул, патом лабавой стэкло, патом матор и калесо. А этат сматри какой! Рул, лабавой стекло и дарога. Матор в cabina! Понял? Нэт, эта не машин, эта тэлэвизар! Понял? Мая на такой машин ехат не может! Праси нармальный. Пуст будет старый, разбиты - мая сделает, будем ездит.

-Так нам же теперь Андрющенко даст такую калымагу, - начал я, но солдат перебил меня.

- Пуст хот голый рама даст, мая сдэлат! Мая сдэлат хароший машин!

Не сразу согласился я на повторную замену автомобиля, но Керим был непреклонен и я начал обхаживать начальника штаба. Завгар, немного поворчавши, после моего обещания с полочки “поставить”, согласился. Майор Андрющенко моему обращению ни сколько не удивился. Очевидно, я с подобной просьбой был не первым. Старый вояка, больше для приличия, немного меня пожурил, повоспитывал, а потом сказал:

-Завтра машины показывать гайшникам и получать номера. Потом надо всю машину проверить, подтянуть и подготовить к работе. Пусть пока твой Керим этим и занимается. А на той неделе прибывает ещё один эшелон. Этот уже из Москвы. Дадим тебе новую машину, всё ж таки комсорг батальона, как ни как.

Я доложил Кериму результат разговора с Андрющенко и почти целую неделю катался с другим водителем. А когда начальник штаба опять приказал мне обеспечить Керима в диспетчерскую для поездки на разгрузку нового эшелона, мой мудрый Керим опять задал мне задачку. Выслушав известие ехать на разгрузку эшелона и получать новую машину, он густо покраснел, опустил голову и в такой позе простоял минуты две. Потом, немного ободрившись, прижал руку к левой стороне своей груди, и мягким, каким-то подкупающим голосом, глядя в меня своими чёрными, глубокими глазами, сказал:

-Таварищ литинант, прасти. Давай аставим этот машин, а? Мая уже на ном ездил, маленько привикла. Хароший машин. Хароший. Прасти.

Сначала я возмущился и чуть не накричал на Керима, но он уже снова опустил свою вихрастую тёмную голову, бросил вниз как плети свои мозолистые в крупных жилах руки, а его большой, плоский, с симпатичной горбинкой нос принял жалкий вид и начал подрагивать. Весь его вид говорил – виноват, делай со мной что хочешь. За время нашей с ним службы случалось всякое. И каждый раз, в чём - либо провинившись, Керим принимал эту позу, а я не то что ругать, я не мог даже повысить на него голос.

Вот и на этот раз, я молча повернулся и ушел прочь. За воротами автопарка сел в поджидавший меня автомобиль и поехал в часть на совещание. По окончании короткого совещания у командира, я подошел к начальнику штаба, извинился и стал просить оставить за мной УАЗ. Пришлось выслушать не короткую нотацию на предмет того, что мы молодые офицеры абсолютно беспринципны, что солдаты крутят нами, как хотят, что командуем ими не мы, а наоборот они нами и так далее, и всё в том же духе. Закончил свою отчитку Андрющенко словами:

-Извините-е. Да зачем мне твои извинения! На новую машину желающих сколько угодно. Распределю, но ты больше ко мне с подобными просьбами не подходи. Всё, голубчик. Хватит!

«Додик» мы с Керимом оборудовали на славу. Старыми одеялами утеплили кабину. На ДОКе во вторую смену солдатики из соседнего полка сколотили нам отличную фанерную будку. Полые стены будки и крыши засыпали опилками. Внутри будки у переднего борта установили широкую с мягким сиденьем скамью. В Управлении механизации солдатики сварили нам небольшую буржуйку. Мы установили её слева от входной двери у заднего борта. По правому борту из арматуры сварили ящик для дров.

Ох, и поколесил же тот УАЗ по лесным чащам и горам Красноярского края. Сам я не охотник и не рыбак. Один только разок и смог съездить по грибы. Все выходные и

праздники, а часто и в рабочие дни, мой Керим проводил то на рыбалке, то на охоте. И чаще всего, естественно, с майором Андрющенко.

2005 г.

Шутники

До поступления в военное училище я жил в маленьком провинциальном городке в своём доме. У нас водились домашние животные, и я хорошо умел подражать их голосам.

Молодым лейтенантом служил в одном славном полку. Большинство наших офицеров были фронтовики. К службе они относились ретиво, в дружбе были надежны, знали цену шутке.

Однажды в середине ноября я допоздна задержался на службе. Полковой автобус давно ушел, и добираться домой пришлось самостоятельно. На КПП части встретил тоже припозднившегося капитана Анатолия Ивановича Жукова. Наши офицерские двухэтажные брусчатые дома располагались на окраине соседнего посёлка. Если идти напрямик через поле и овраг, то топать надо километра три.

Анатолий Иванович, пройдя КПП застегнул на все пуговицы новенькую плащ-накидку, закурил беломорину и предложил мне идти с ним пешком.

Плащ-накидки для офицеров советской армии ввели в форму одежды весной того года. К нам на склад большинство из них поступили очень больших размеров. Поэтому новинку получили пока всего несколько офицеров. Анатолий Иванович ростом был под два метра и накидку себе подобрал без проблем. Всю войну он прослужил в разведке. Новая накидка ему напоминала ту, в которой он красовался на фотографиях военных лет. Потому, своей обновкой очень дорожил, а носил её, не снимая, и в дождливую промозглую, и в тёплую солнечную осеннюю погоду. В ноябре того года в Сибири уже были морозы, все мы давно одели шинели, а Анатолий Иванович всё не расставался со своей накидкой.

Дослушав по полковому радио в семичасовые новости сообщение о полёте наших космонавтов, мы тронулись в путь. В темноте миновали не широкую луговину, и тропинка нырнула в заросший смешанным лесом и кустарником широкий овраг. Когда по дощатому настилу мы перешли русло ручья, из кустов на нас зарычала собака. Она, очевидно, где-то раздобыла кость и вершила трапезу.

«Откуда она тут взялась? Мы же ее не трогаем, чего она окаянная рычит?» - пробормотал Анатолий Иванович, прибавив, при этом, шагу. Шли мы в полной темноте, прогнившие доски настила, лежавшие прямо на земле, местами сильно прогибались. Идти было не безопасно и я от Анатолия Ивановича поотстал. «Ты чего отстаёшь, нагоняй», - крикнул на ходу мой попутчик. И тут до меня дошло почему так заспешил капитан: «Это ж он боится за целостность своей накидки», - подумал я, едва сдерживая смех. И тут на меня нахлынуло озорство. Остановившись, я залился звонким собачьим лаем так, словно собака злобно нас атаковала. Анатолий Иванович подхватил полы накидки и как спринтер со старта рванул вверх по тропе. Отбежав подальше, он прокричал мне: «Ты чего отстал? Эта зараза запросто же может порвать мне накидку!»

По узкой уже запорошенной снежком тропинке мы быстро поднялись из оврага на окраину посёлка. Капитан опустил полы накидки, шагал, ворча на собаку. Тропа вскоре вывела нас к первым постройкам. Анатолий Иванович успокоился и замолчал, а мне захотелось продолжить мой розыгрыш. На ходу я пригнулся пониже и у самых его ног опять выдал лай нападающей собаки.

- Пошла, пошла прочь! Гони ее лейтенант, гони! Вот зараза! - капитан снова подхватил полы накидки, крутнулся направо, и налево, пытаясь во тьме разглядеть собаку, - ты чего стоишь? - крикнул он мне.

Отвесив мне и собаке ещё несколько «комплиментов», придерживая свою драгоценную плащ-накидку, Анатолий Иванович поспешил на открытое, освещённое огнями близкой улицы место. Шел он быстро, с опаской оглядываясь по сторонам. А ругал теперь он уже не собаку, а меня:

- Н-е-е-т, лейтенант. С тобой в разведку ходить нельзя! Ты, оказывается, парень ненадежный. На меня, понимаешь, нападает какая-то паршивая собака, а он ни гу-гу. На фронте мы таких не уважали, - бросал и бросал в мой адрес обидные слова бывалый вояка.

В конце - концов, мне надоело его ворчание, да и обидно стало за упрек в ненадежности. И когда мы вышли на освещенную заасфальтированную улицу, я поравнялся с Анатолием Ивановичем и... залаял.

Капитан опешил. Постояв с минуту в позе памятника воину освободителю, он подскочил ко мне, схватил меня своими ручищами за плечи и запричитал: «Ах ты!.. Ну, ты даёшь! Вот это да!» Но вот гигант замолчал, отстранил меня от себя, гмыкнул и, тоном, не допускающим возражения, пробасил: «Давай еще!». Мне ничего не оставалось делать, и я снова залаял звонким собачьим лаем. От соседних домов в ответ дружно ответило несколько собак, а столбом стоявший капитан загоготал словно гром на ясном звёздном небе той осенней ночи.

Так, смеясь, мы и дошли до наших домов. Когда стали прощаться, капитан, крепко сжимая мою руку, попросил полаять еще. Понимая, что, пока не исполню просьбу, руку из «железных тисков» не высвобожу, я негромко полаял. Жуков захохотал, а я, не знаю почему, вдруг решил продемонстрировать умение мяукать по-кошачьи. Сначала мяукал так, как это делают кошки обычно, а потом перешел на крик мартовского кота. Жуков удивлялся чистоте моего подражания и, хохоча, просил меня мяукать ещё и ещё.

Вскоре в одном из окон первого этажа соседнего дома с шумом открылась форточка.

- У, черти! Брысь окаянные! - послышался голос жены начальника вещевого склада нашего полка.

Мы с капитаном шмыгнули за угол, оказались у двери подъезда того дома, притихли. Поругавши кошек, женщина захлопнула форточку. Я тихо сказал капитану:

- Пошли по домам.

- погоди, - сказал Анатолий Иванович, - давай еще.

Я, было, стал возражать, пытаюсь уйти, но скалообразная фигура Анатолия Ивановича преградила мне дорогу, и я замыкал так, как мяукают кошки, когда просят пищу, или открыть дверь.

На втором этаже ярким светом вспыхнуло окно. Послышались голоса в квартире, под окном которой мы стояли. Не сговариваясь, мы шмыгнули в подъезд и затаились под лестницей на второй этаж.

В подъезде было темно. Из открытой двери второй квартиры в коридор пробился слабый свет, и кто-то из мужчин вышел, готовый воздать коту по заслугам. Открылась дверь и на втором этаже. Вышедшая в коридор женщина позвала кошку, но, не дождавшись заблудяги, подошла к лестнице и крикнула мужчине с первого этажа:

- Где он там, окаянный? Орал, а теперь нету.

- Не видно, - ответил мужчина.

Он спустился по лесенке из нескольких ступеней к входной двери, плотно прикрыл её и вернулся в свою квартиру.

Хлопнула дверь и женщина наверху. В доме опять воцарилась тишина и я, осторожно ступая, направился к выходу. Но Анатолий Иванович взял меня за плечо своей ручищей и сказал: «Давай ещё!»

На этот раз я заорал таким воплем, словно хотел напугать капитана и сбежать.

В одно мгновение защёлкали замки и запоры всех квартир, и тишину подъезда взорвала ругань женских и мужских голосов. Не сговариваясь, метнулись мы с капитаном на

улицу. Пригибаясь, пробежали под светившимися окнами дома за угол и притаились в зарослях черёмухи. А из открытой двери подъезда несло:

- Поразвели эту тварь, спать не дают! - кричала какая-то женщина.

- Мне завтра на подъем, а тут...! - гудел капитан Демьяненко.

- Валентина! Это ж ваш котяра орал!

- Ты что! - отвечала Валентина, жена свёрхсрочника Володи Мирошниченко, - наш Васька дома! Чего ему орать-то? Не веришь? Иди, погляди!

В дополнение ко всему на балкон в нижнем белье вышел замполит полка подполковник Шишкин. Он был заядлый охотник. В руках Василий Иванович держал свою красавицу двустволку.

- Вот я их сейчас окаянных! - сказал он, зевая.

Минут десять шумели жильцы дома, проклиная «котов». Когда все утомонились и наступила, тишина через густой кустарник по - кошачьи тихо мы вышли в переулок и, договорившись никому о нашем хулиганстве ни слова, разошлись по домам.

2

Я, ей-богу, никому о нашей проделке не сказал и слова, а вот Анатолий Иванович... Короче говоря, на следующей неделе, на совещании офицеров части начальник штаба огласил график дежурств на декабрь месяц.

Нет и никогда не было, в армии такой части, где бы график дежурств на декабрь не вызывал споров, возражений и обид. Ведь никому не хочется заступать на дежурство тридцать первого декабря. Так всегда бывало и у нас в полку, но только не в тот раз. А дело в том, что дежурным по полку на тридцать первое декабря объявили капитана Жукова, а помдежем, естественно, - меня. Возражать, как вы понимаете, мы не стали.

В новогоднюю ночь все офицеры полка гуляли-отдыхали, а мы с Анатолием Ивановичем несли службу.

После полуночи в часть позвонил Василий Иванович Шишкин. Он поздравил меня с новым годом, поинтересовался делами в полку. Я, сидевший в дежурке у телефона, доложил ему, что в полку все в порядке, личный состав отдыхает, дежурный обходит подразделения.

Прощаясь, замполит пожелал нам спокойного дежурства, а я ему хорошо отпраздновать наступивший новый год и спокойной ночи. Василий Иванович с минуту помолчал, потом произнес: «Мя - у - у!», - и повесил трубку.

А. Препелятников

Прихватизатор

Прихватизатор - слово для нас новое. Оно одно из тех, что пришли к нам с демократическими преобразованиями. Этим словом называют людей, которые в ходе реформирования экономики кое-что из бывшего государственного сумели «отцепить» для себя. Большинство прихватизаторов сделали себе состояние на присвоении бывшего государственно - ничейного, но есть и таковые, кто хватает кому-то принадлежащее. Вот с таким разбойником - прихватизатором мне и приходится иметь дело. Собственности меня этот разбойник, вроде, и не лишил, но и пользоваться ею не даёт. На иного бандюгу можно заявить куда следует, на этого – бесполезно. Наши правоохранители не помогут, так ещё и засмеют. Даже соседа, надежного во всем мужика, и то на помощь не позовешь.

Иные разбойники по ночам, в глухих местах действуют, а сей злодей - днем, да принародно. Все прочие рекетмены и прихватизаторы действуют шайками, связи разные используют, а этот действует сам. Иной бандит - разбойник росту здоровенного, силу

имеет медвежью, а этот опять же не таков: от корешка не то два - пол вершка. Щёлкни пальцем он и готов будет. Но действует паразит нагло.

Ну что? Хотите поскорее узнать, кто же на меня разнесчастного «наехал»? Понимаю. Говорить, конечно, придется, раз уж сказывать начал.

Смейтесь - не смейтесь, а злодей этот - воробей. Да, да. Самый обыкновенный наш русский воробей. Удивлены? Смеетесь? Смейтесь! А на самом-то деле смешного ничего тут и нету. Я бы и сам разделался с серым паразитом в два счета, но есть обстоятельства и он ими умно пользуется. Да ладно. Лучше уж все по порядку поведаю.

Поселился этот заморыш у нас на даче на открытой веранде в дырочке прямо над входной дверью в домишко. Мы по весне до самого тепла на даче нынче не появлялись. Он окаянный и приглядел себе местечко: от ветру северного закрытое, на солнышке, сухонькое, тихое и спокойное. Свил гнездо и воробыху на яйца успел посадить к нашему приезду.

Приехали мы, значит, утречком, начинаем выгружать вещички из машины на веранду. Он сидит в сторонке поглядывает. Только я к двери направился, так он как начал орать окаянный! Орет, заметьте, не пищит по воробьиному, а орет разбойным голосом, прыгает с места на место, крыльями хлопает, того и гляди в лицо бросится. Треснул бы его чем-нибудь и все дела. Да и логово его выбросить в мусор в два счёта мог бы. Это ж просто. Но тут же рядом ... жена! «Стой!» – как часовой кричит на меня, - не ходи! Пусть в гнездо залетит, а после всё в дом занесём!» Я и стою. Залез этот паразит в свою дырку. Я, было, к двери, а он окаянный из гнезда вылетел, с криком своим разбойным в воздухе на одном месте, как жаворонок, завис, крыльями своими шумит, словно орлан и, опять же, орет голосом не птичьим. Он, стал быть, на меня спереди налетает, а сзади его союзница - моя жена: "Куда тебя несет? Не успел он залететь в гнездо, а ты выпугнул! Иди в сад, я сама все в избу занесу, уходи тебе говорю!" Ну и что ж мне в таком случае делать? Ушел.

Вот так с тех пор и пошло. Уйду в сад, сяду на скамейку и сижу, жду, пока тот серый паразит улетит за провизией. Или работаю, работаю, попить захочу. Зайти бы в избенку, достать из - под полу минералочки или пивка бутылочку, так нельзя же. Нельзя! Инструмент какой потребуется и то не пускают. «Зачем тебе ножовка? - кричит жена, - завтра обрежешь ту ветку, а можно и вообще не пилить. Глядишь, может ещё и отойдёт». Видали? Ветки сухие у них уже прорасти стали. Лишь бы меня в дом не пускать. Это ж понятно что к чему.

А когда вечер наступает, тут совсем беда. Наворочаюсь за день лопатой, поужинать бы да прилечь на кровать отдохнуть перед телевизором, так не тут-то было. Этот паразит, видите ли, еще не забрался в свое логово на ночлег. «Подожди!» - грозно останавливает мое намерение жена. Сижу голодный в саду на скамейке, жду. Сосед Саня, вижу, уже поужинал, вышел в сад покурить. Веселенький такой, рюмочку видать пропустил, а я сижу, жду пока совсем темно станет.

- Мало ли какой черт, где себе гнездо устроит? Не там построил? Появились проблемы? Неудобства? Это, извините, его проблемы! Я здесь при чем? Почему я страдать-то должен? На каком основании?

Задал я как-то себе подобный вопрос и решил разом покончить с этой лавочкой. Не обращая внимания на вопли серого забияки, вошел в домишко и лег. Характер, значит, проявил. Жена колесом подле меня, я сейчас, говорит, мигом что-нибудь приготовлю поужинать. Видит же, что я взбрыкнуть решил.

- Добрые люди уже спят, а ты только собираешься готовить, - проворчал я, - ладно уж, - говорю, - обойдусь без ужина.

И вы думаете жена отступила, заговорила как-то примерительно? Признала свою неправоту? Дудки! Присела ко мне на край кровати и начала заливать про полезность для здоровья на ночь не кушать...

- Вот так-то, - думаю про себя, - завтра скажет, что и от обеда один вред для здоровья, а ей ответил:

- Понимаю, к чему клонишь. Можешь не беспокоиться. В следующий раз буду брать из дома кусок хлеба. Пожую в саду и ладно. Заботься чтобы этот твой любимчик во время ужина и спать ложился, а я как-нибудь перебыюсь.

- Ну что ж, можно и так - пропела жена, - ничего не случится, я тоже с тобой буду...

Понял я, что попытка моя характер проявить ни к чему не привела, ничего-то я и не добился. Плюнул на все и смирился со своим горемычным положением. А что еще делать - то?

Автослесарь Рассказ

К соседу по даче дедушке Саше приехал знакомый дяденька, чтобы починить свой автомобиль. Дедушка Саша и приехавший дяденька вытащили и разложили инструменты, открыли мотор и занялись починкой. Игравший неподалёку пятилетний Андрейка бросил свой велосипед, вошел во двор дедушки Саши и во все глаза уставился на работавших мужчин. Чтобы всё происходящее видеть, он заходил то с одной, то с другой стороны, забирался на скамейку у стены дома, становился на коленки, засовывая голову под автомобиль. Несколько раз дедушка Саша просил его подать молоток и ключи.

Вот на крыльце показалась полная баба Рая - жена дедушки Саши. Она посмотрела на работавших мужчин и сказала:

- У меня готов обед. Вы бы сделали перерыв, покушали пока все горячее, а потом бы и продолжали.

- Нет, мать, - сказал дедушка Саша, - человек торопится, надо закончить.

Баба Рая ушла, а мужчины продолжили работу.

Через некоторое время в калитке показалась Андрейкина мама:

- Вот ты где! Ушел и не сказал куда, даже велосипед не убрал с дороги. Пошли обедать.

- Андрейка повернулся к маме, выставил вперед правую ногу и, жестикулируя ручонками, громко с выражением сказал:

- Ты что, не видишь, чем мы заняты? Человек торопится, надо же закончить!

При этих его словах мама почему-то сделала шаг назад, скрылась за забором, и громко засмеялась. Звякнул о бетон, выроненный дедушкой Сашей ключ, а сам он лег на мотор автомобиля и стал издавать какие-то странные звуки. Сидевший в машине дяденька клиент перестал заводить мотор и тоже смеялся. Андрейка с удивлением посмотрел на дедушку Сашу и на дяденьку, потом шмыгнул под машину, взял выроненный ключ, вылез и ткнул им деда Сашу:

- На, возьми, ты уронил.

С лицом малинового цвета дед Саша приподнялся на локтях и, улыбаясь, сказал Андрейке:

- Давай, давай мой незаменимый помощник. Чтобы я без тебя делал? Ты Света, - это он сказал Андрейкиной маме, снова вошедшей во двор, - иди домой, мы тут закончим и пообедаем.

Мама постояла немного, вся такая счастливая, веселая и, ничего не говоря, ушла.

Вскоре работа была закончена. Дяденька завел свою машину, поблагодарил дедушку Сашу и Андрейку за ремонт, попрощался с обоими за руку и уехал. А дедушка взял Андрейку за руку, и они пошли в дом мыть с мылом руки и обедать.

В советские всеобщего дефицита времена Люся попросила свою верную подругу Машу, работницу торговли, достать ей небольшой, дешёвенький холодильник. Несколько месяцев решала Маша сложнейшую проблему подруги. И вот однажды утром, следуя на работу, втиснулась Люся в заднюю дверь переполненного троллейбуса. Едва закрылась за женщиной дверь, как она услышала:

- Люся! Люся!

Женщина оглянулась и увидела прижатую к стойке у средней двери свою подругу.

- Я выполнила твою просьбу, - радостно улыбаясь, кричала Маша.

- Какую такую просьбу? – ответила забывчивая Люся.

- Как какую? Ну, маленький, дешёвый. Ты что, забыла? – Маша, видя, что подруга забыла о своей просьбе, Маша стала думать, как в этом случае сообщить подруге, что она решила вопрос с покупкой ей холодильника. Ведь не скажешь же прилюдно, что прямо с базы, та может купить холодильник. И, вдруг, протянула:

- Ну, купишь то, чего у тебя нет. Маленький, дешёвый, на букву «Х».

Уже тормозивший у очередной остановки троллейбус вздрогнул от дружного хохота пассажиров. Зажатая у двери, покрасневшая как свёкла, Люся собрала все свои силёнки, резко развернулась в другую сторону. В ту же секунду прошипев, с грохотом распахнулась дверь, и она рванула вон из машины.

Всё ещё не понимая, почему поспешно вылетела из троллейбуса не на своей остановке Люся, и почему все соседние пассажиры до слёз хохочут, Маша с удивлением озиралась по сторонам. И только когда стоявший рядом, долговязый в рабочей робе парень спросил, у какого ж это мужика она разжилась таким предметом, до неё дошел тот второй, принятый пассажирами смысл сказанного ею. Расталкивая входивших в троллейбус пассажиров, она вылетела вон через уже закрывавшуюся дверь.

Гогочущий троллейбус плавно покотился дальше по наполнявшемуся солнцем утреннему городу, а подруги упали на скамейку и долго судорожно хохотали, под недоуменные взгляды спешившего на работу люда.

06.2006 г.

Путевые заметки

Европа. А какая она?

Около трёх веков назад Пётр первый открывал для дремучей тогда России окно в Европу. К сожалению, но я для Европы оказался дремуч и на втором десятке лет века двадцать первого. Мне, малому смертному, для того, чтобы познакомиться с сегодняшней Европой окна не надо – достаточно малюсенькой форточки.

С первых минут своего здесь пребывания я был поражен прекрасной сохранённой человеком природой, архитектурой построек, теплом и душевностью здешних жителей. И

у меня возникло непреодолимое желание записать свои впечатления об увиденном. Я, естественно, не наш знаменитый земляк Иван Александрович Гончаров, бывавший здесь, и не могу претендовать на оригинальность моих записок. Но об этом уже судить читателю, а я буду стараться. И так, всё по порядку.

1 Приезд и самые первые впечатления

Из нашего благословенного провинциального Ульяновска поездом мы сначала добрались до златоглавой, пару дней пожили у дочери, а дальше двинули вместе с её семейством в Чехию на курорт Марианские лазни.

Сначала нас мучил вопрос не опоздать бы в аэропорт Шереметьево. Муж дочери Паша заказал такси за три с половиной часа до вылета. Но пожилой водила таксист на микроавтобусе Форд доставил нас по забитой Ленинградке всего за час. Профи есть профи.

Томительное ожидание регистрации и посадки и вот лайнер чешской компании в считанные минуты взмыл в голубое Московское небо и взял курс на Юго-запад. На потолке под багажными ящиками через ряд от нас впереди располагался небольшой монитор. (Такие мониторчики имеются в этих самолётах по всему салону) Он несколько минут информировал пассажиров о правилах, которые надо соблюдать в полёте, о мерах и средствах безопасности, правилах пользования кислородными масками, спасательными жилетами на случай аварийной посадки на воду, о запасных выходах и прочем. Весь полёт монитор показывал где, мимо каких городов мы пролетаем, сколько километров уже пролетели, на какой высоте летим, сколько времени ещё лететь и прочем.

Самолёт прилетел в пражский аэропорт минута в минуту. Приземлилась отличная иностранного производства машина не очень мягко, потому командир лайнера получил очень жиденькие и не продолжительные аплодисменты.

Несколько минут на получение багажа, и на выходе в город нас встретил водитель заказанного по интернету такси. И вот мы уже на трассе убегаящей от Праги на Юго-восток республики. Двухполосая магистраль с односторонним движением получше наших ульяновских загородных дорог, но изобилует пятнами ямочного ремонта. Заплатки выполнены качественно, но автомобиль на них трясёт ощутимо. Аэропорт от Праги на запад, и наш путь пролегал в объезд столицы по её дальним южным окраинам. Пригороды Праги это сплошные склады, автостоянки для фур, мелкие и крупные предприятия. Километрах в пяти от города, слева по склону пологого, свободного от смешанного редколесья холма показались коллективные сады. Разнокалиберные, ветхие домишки с крохотными участками земли в тот солнечный день, на фоне только начинающих зеленеть лесных опушек, выглядели мрачными, полузаброшенными. В десяти минутах езды на окраине небольшого городка Ходовар также притулились крохотные участки садов жителей этого городка. На участках имеются крохотные теплички, посажено по несколько деревьев, сооружены и небольшие будочки-домики, как у нас на Нижней террасе слева если в Заволжье ехать из центра. Ночевать в тех будочках их хозяевам строго запрещено. Установлено это в целях безопасности

садоводов. «У нас коллективные сады выглядят веселее, участки земли побольше, избушки добротнее», - сразу подумалось мне.

Через семьдесят километров трассы, бежавшей на юго-восток Чехии меж невысоких холмов, поросших смешанными жиденькими лесами, мы свернули на узкую, но очень добротную дорогу Марианских лазней, сравнимую с магистралью Мюнхен – Берлин, по которой мы катили со скоростью 120-130 км/час. Лес пошел сродни нашим российским. Ещё двадцать пять километров пути и наш «Форд» доставил нас на место.

Курортный город Марианские лазни сначала показался мне крохотным. Расположен он в неширокой долине чешских гор. В самом низу долины километра на два протянулась главная улица городка, с прекрасным сквером и шумной речкой посередине. Красивые под европейскую старину жилые дома четырёх-пяти этажей не вытянуты на десятки метров вдоль улицы, а стоят небольшими свечками. Это из-за того, что земля здесь на вес золота. На первых этажах всех зданий сувенирные лавочки и рестораны. Роскошью центральной и небольших параллельных ей улочек блещут бесчисленные отели. Они здесь красуются не только по улицам, но, словно гнёзда ласточек, красиво вписываясь в рельеф, лепятся и по склонам долины.

Извилистые короткие улочки, отдельно стоящие здания отелей, дороги и пешеходные дорожки устроены так, что создаётся впечатление, что хозяйствует здесь не местная управа, не люди, а вековые дубы, каштаны, причудливо вытянувшиеся ввысь ели, липы, бурная говорливая речка. Все постройки, дороги и пешеходные дорожки, мощёные брусчаткой, плитами гранита и мрамора и асфальтом, аккуратно обходят хозяев здешних мест. Здесь тесно всему, но только не дубам исполинам и их коллегам, растущим там, где им хочется, а с пришедшим сюда человеком хозяева этих красивых мест заключили соглашение о добрососедстве и взаимовыгоде. Человек не трогает рождённую природой, а природа одаривает его своей первозданной красотой, сказочной тишиной и покоем, неторопливым, размеренным ходом времени, при несметном здесь количестве круглогодично лечащихся. Примерно на половине длины широкой, красиво мрамором с вкраплениями брусчатки выложенной центральной аллеи, которая ведёт к источникам минеральных вод, растёт какое-то огромное дерево. Его ветви, как у кустарника растут сразу от земли и раскинулись в диаметре 15-18 метров. Так вот чтобы не мешать этому необычному дереву, аллея делает изгиб, обходя его. У трёх, лет 30-50 назад построенных зданий, вплотную к фасадам растут ели. Своими густыми лапами они плотно закрывают окна по обе стороны от своего ствола. Елью закрыты окна с первого и по третий, а одного здания и окна четвертого этажа. Мешает, очень мешает ель жителям тех домов, но что же делать? Не пилить же тех красавиц? «У нас в Ульяновске, - сразу подумал я, - этим ёлкам давно бы уже был кирдык». У нас днём с огнём пилят безнаказанно в скверах во имя строительства киосков, пивных или каких-то развлекательных сооружений.

Не трогают горожане Марианских лазней не только деревья. Не тронутыми остаются и ручьи, выступы горных пород, холмики и прочие элементы ландшафта, рождённые матушкой природой. Пешеходные дорожки, здания, шоссейные дороги их обходят, оставляют нетронутыми меж домами улиц. Через овражки и петляющую по центральной улице шумно говорливую речку перекинута мосты. Уверен, наши ульяновские антихекторы овражки бы засыпали, холмы срезали бы бульдозером, чтобы спрямить

улицы и всё выровнять. Ведь засыпали ж они Петров овраг на пересечении с проспектом Ленинского Комсомола. И большим талым и дождевым водам создали преграду. А породившая овраг природа знать не хочет идеи наших «умников», топит ежегодно проспект, уже несколько раз и сносила водичка полотно дороги, образуя огромные промоины. Точно так же намудрили на проспекте Туполева, на улице Гоголя. Тут додумались ручей, нёсший воды в сторону Волги мимо химскладов, развернуть на улицу Жуковского, далее через Димитровградское шоссе потоки в дождь направляются к железной дороге. Та же картина на проспекте Антонова меж проспектами Ульяновским и Тюленева. Не лучше ситуация и на сравнительно не старых улицах Засвияжья. И как результат, стоящий на высоких берегах Волги город, в половодье тонет в огромных озёрах, повсеместно проваливается на промоченном основании дорожное полотно. А на улице Димитрова и Гоголя додумались дорогу сточным водам перекрыть и высоченными лежащими полицаями. В любой дождь напротив домов по Димитрова 2 и 8, и на улице Гоголя у школы 74 стоят огромные, глубокие лужи. Когда в восьмидесятые годы городские власти на Димитрова и Гоголя творили эту чушь, я писал в одной из областных газет о проблемах, которые будут. Мне тогда ответили, что будет сооружена ливневая канализация и всё будет в порядке. Прошли годы, ливнёвки нет, лужи регулярно стоят, промачивают дороги, которые почти ежегодно латают и латают. Впрочем, лужи на дорогах у нас стоят и там, где есть ливнёвки. Наши горе строители их приёмные колодцы устраивают так, чтобы вода в них ни как не попадала. Если кто не верит, приезжайте во двор дома 8 по проспекту Ульяновскому. Ни при строительстве дворовых дорог, ни при их ремонте в 2012-м, строители и те, кто им работу заказал и принял исполненную, не додумались до того, что приёмные люки ливнёвки нужно соорудить в самых низких местах. Идёт дождь или тает снег и на дорогах двора огромные лужи. Весной этого года на дороге у детского садика воду пришлось откачивать. Так же ливнёвка сделана и в некоторых местах на проспектах Ленинского комсомола, Созидателей, на Туполева и др.

С умом, добротой, с уважением к природе, только дополняя её красоту своим вмешательством, здесь строят везде. Особого этим не отличается ни Прага ни Мюнхен, где мы побывали на экскурсиях.

2 люди

С первых минут пребывания в отеле семейства Falkensteiner, окунувшись в поток немногочисленных прохожих главной улицы городка, я сразу вспомнил слова известной песни «...дети разных народов...». Только приехали все сюда не бороться за коммунистическое счастье, а за счастье быть здоровыми, которое дарят людям здешние целебные минеральные воды и окружающая природа. На каждом шагу здесь слышны голоса на чешском, немецком, английском, русском, польском китайском и прочих языках. Среди проживающего здесь населения и обслуживающего персонала отелей и ресторанов большинство пока составляет местное население, но очень много и тех, кто в поисках лучшей доли покинули свою родину и неплохо прижились на здешней чужбине. Рождаемость в Чехии, как и во всей Европе, очень низка. Так вот начиная с девяностых, население этой маленькой республики отлично пополнилось гражданами из стран

бывшего СССР. В Чехии проще, чем в других странах Евросоюза, получить вид на жительство и гражданство. Поэтому многие граждане России, Украины, Белорусии, Казахстана и др, приезжали сначала в Чехию, получали гражданство, а потом свободно перемещались в другие страны. В ресторане нашего отеля успешно работает дивчина, для которой из-за безработицы и нищеты «нэ мылой стала ридна Вкраина», нашим гидом по красавице Праге была Кристина из Минска, муж которой имеет бизнес в Москве. «Работать там пока можно, а жить уже невозможно», - сказала она мне. Как только мы сели в микроавтобус и тронулись на экскурсию в Прагу, соседка моей жены заговорила на чистейшем русском. Оказалось, что она сегодня гражданка Германии. Её предки немцы Поволжья в сороковые военные были переселены в Казахстан, а оттуда она с семьёй и переселилась в радужно принявшую их Германию. В России не пожелали воссоздать республику немцев Поволжья. Этой нашей глупостью удачно воспользовалась Германия, получив из государств бывшего СССР, в основном из России, шесть миллионов граждан. Да каких образованных трудяг!

Всю двухчасовую дорогу до Праги, как старые знаковые, щебетали моя жена россиянка и гражданка Германии. Нашим гидом по Мюнхену был интеллигент и большой умница Абрам Израилевич. Он родился и вырос, получил прекрасное образование в Одессе. Работал архитектором, и много строил. Но четырнадцать лет назад окончил школу его сын. Если поступить в какой-то ВУЗ Украины, то что потом делать? Где найти работу, как строить дальнейшую жизнь молодому не глупому человеку? С украинским или российским дипломами нечего делать и на Западе. И Абрам Израилевич покинул родину. Бросил якорь судьбинушки в Баварии. Выучил сына и сам живёт не бедствуя, хотя и пришлось оставить любимую работу.

Встречаются за прилавками магазинов вьетнамцы. Впрочем, после восемнадцати, большие группы граждан этой страны в рабочей робе появляются на городских улицах. Где-то работают на стройке, как у нас граждане Среднеазиатских республик.

А вот среди отдыхающих, приехавших поправить здоровье здешними минеральными чудодейственными водами, кого только и нет. Пришлось мне на второй день тамошнего пребывания жестами и скуднейшими запасами английского (Как я в те минуты вспомнил свою школьную учительницу английского языка Киру Петровну!) объясняться даже с двумя китайками с Тайваня.

Признаюсь честно, очень боялся вначале того, как же тут существовать без знания языка. Но тревоги мои оказались напрасными. Весь обслуживающий персонал отеля, продавцы всех магазинов и ресторанов плохонько, но лопочут на русском. Перебывало тут нашего брата россиянина не мало, и все занятые здесь в обслуживании отдыхающих, вынуждены были изучать наш «великий и могучий». Старшее поколение чехов изучало русский язык в школах. А жизнь, вернее бизнес на россиянах, заставил изучать наш язык и нынешнее поколение этой процветающей республики. Кстати, с акцентом, но умеют объясняться на русском и жители Праги и столицы Баварии Мюнхена. В одном из уличных кафе в самом центре Мюнхена, пришлось мне познакомиться и побеседовать с шестидесятилетним Милошем. Четырнадцать лет назад эмигрировал он из Сербии. С этим господином, за кружкой доброго баварского пива, нам объясняться было очень даже просто – всё-таки славяне. С немцами, австрийцами, итальянцами и гражданами прочих стран общаться

сложнее. Но! Кто из нас россиян не знает немецкие слова: ан, цвай, драй, битте, ком, гуттен так и прочие? А если к этим словам добавить несколько, познанных слов в школе и ВУЗе слов английских, а немцы этот язык знают, плюс жесты и уже можно объясниться с немцем по любому вопросу. Кроме того, мы в своём языке давным-давно используем и уже считаем их своими очень много слов из языков народов Европы. Это такие слова как: кафе, бизнес, парфюмерия, сауна, офис и проч. Немало в чешском языке и слов славянских, не зря ж они десятилетия прожили одним государством со словенцами. В рекламных буклетах и в названиях магазинов повсеместно читаешь такие слова как: нарядни одяги, лекарня, скло, пёс и др. Плюс ко всему, все мы, хоть и не знаем европейских языков, но латинский то алфавит из школьной программы худо-бедно помним. И прочесть и понять смысл слов «gazovainekchiy, terapia» и др. не сложно.

Сразу же после прибытия, нам срочно потребовалось посетить продовольственный магазин, чтобы пополнить запасы детского питания для двухгодовалого внука. В двадцать по местному, по дорожке, петляющей меж высоченных каштанов по крутому склону, мы спустились на главную улицу. Слева, в самом верху долины высились в ярком освещении красивые здания отелей. Мы решивши, что там и должен быть супермаркет, работающий до двадцати двух и направились туда. Минут двадцать путешествия мимо витрин многочисленных сувенирных, парфюмерных и прочих лавок, не работавших в этот час, (все они закрываются здесь в восемнадцать) и полупустых кафе и ресторанов, мы решили спросить кого-нибудь, где же нужный нам супермаркет. Подошел я к молоденькой официантке кафе, которая убирала столики, расставленные прямо на широком тротуаре. С трудом дивчина поняла, что хочу я узнать, а обрадовавшись своей догадке и милейше улыбнувшись, показала рукой в противоположную сторону. Но где там, далеко ли, объяснить добродушная девушка не смогла. Стал я думать, кто же здесь может нам объяснить. И тут вспомнил я рассказ Ивана Артамонова, который в 45-м, после победы служил в Германии под Дрезденом. Однажды его в составе группы солдат отдали в распоряжение майора НКВД для отлова наших сограждан, не желающих возвращаться в голодающий союз. Майор привёл солдатиков на перекрёсток улиц, сам расположился в центре, а ребятам приказал пройти в улочки, задерживать всех русских и доставлять к нему. «А как мы узнаем, что это русские», - спросили майора солдаты. «Это очень просто», - ответил майор. Идёт женщина или мужчина и сморкается, зажав нос пальцами, вытирает нос рукавом или указательным пальцем, плюнул на землю – смело задерживайте и ведите ко мне. Это наши...»

Нынешние наши сограждане, уже в большинстве своём так себя не ведут, тем боле в чужом городе. Но отличительные признаки поведения и внешности всё равно есть. И в тот поздний час я без труда в прохожих вычислил высокого роста нашу соотечественницу. Она подробно и объяснила нам, как пройти в супермаркет.

Если мужчина или женщина при встрече с вами взглядом тут же вам приятно с душевным теплом улыбается, знайте - это гражданин Германии или Австрии. Если вы встретились взглядом с человеком и тот без обращения всем своим видом говорит вам, что готов вам в чём угодно помочь, услужить – это гражданин Чехии. Здесь в Чехии все вас встретившие здороваются. Эта традиция имела место быть и у нас в России. Сейчас сохранилась в некоторых деревнях. В восьмидесятые в селе Архангельское

Чердаклинского района нашей области, при встрече на улице здоровались все встретившие вас от мала до велика. Сейчас в том же селе по-прежнему обмениваются при встрече приветствиями с незнакомыми только старики.

Если вошедшая в лифт дама или господин всем своим видом показывает, кто здесь хозяин, и почему лифт едет не так быстро, и не туда, куда надо ему – это, естественно, гражданин нашей матушки Рассеи. Даже преклонных лет дама россиянка, восседая на лавочке в сквере, держит свою каштановую с редкой растительностью голову так, словно это императрица Екатерина сошла со своего пьедестала и присела отдохнуть от своих трудных государственной важности дел. Женщины из европейских стран сплошь волосы не красят, хотя содержат свои седины очень красиво.

Бродил я по улицам Марианских лазней, Праги, Мюнхена и думал: «Да, жители центральной Европы более культурны и вежливее в обращении, нежели наши граждане. Одеждой, практически, не отличаются, подчеркнута дисциплинированы на улице и в общественных местах. А в остальном ни чем от нас не отличаются». Но, когда приехал в Москву и спустился в метро, в наш благословенный Ульяновск, заметил не мало весьма существенных отличий. Наши граждане выглядят какими-то усталыми, угрюмыми, чем-то придавленными. Мы одеты в аналогичное платье, но как? Житель центральной Европы держится скромно, просто, но с достоинством, подчеркнута вежлив, а одет просто, но со вкусом. Перед умом и сообразительностью немцев я особо не преклонялся. К тому один простенький случай. В финскую сауну администрация отеля входить в одежде по причине гигиены, не разрешает. Из влажной одежды могут быть испарения, что не допустимо. Кроме того, и это самое главное, плавки, купальники сплошь из синтетики, а она в условиях высокой температуры выделяет вредные пары. Запрет на одежду обозначен на небольшом стенде у входа в сауну знаками. Нарисованы перечёркнутые элементы одежды. В первые дни меня, запёршегося в сауну в плавках, вежливо и дружно на ломаном русском немцы попросили выйти. С того дня в сауну я ходил прикрывшись длиннющим банным полотенцем. Однажды в сауне мы были втроём: я, мужчина немец лет сорока пяти, снявший сланцы в сауне, и женщина лет пятидесяти. Я, естественно, обмотанный полотенцем, а соседи – в чём мама родила. Заходит в сауну молоденькая девушка в купальнике. Мужчина на немецком потребовал, чтобы она вышла и разделась. Стесняясь, девушка вышла, в холле разделась и вошла, руками прикрывая молодую красивую грудь. «Ах так»,- сказал я себе и указал немцу на его обувь, которая выделяла в воздух сауны вредных веществ в десятки раз больше нежели купальник девушки. Меня тут же поддержала и женщина, а хозяин сандалей стал активно нам возражать, ссылаясь на отсутствие запрета на сандали у входа в сауну. Что тут? Не понимание простой истины вреда нахождения сандалей в сауне? Раз они не нарисованы зачёркнутыми зачёркнутыми, то можно? Так там не нарисовано и пальто и шапка, да мало ли что ещё. Соображать же надо... Но для европейца главное наличие распоряжения, и он не задумываясь будет его чётко и точно исполнять! Вот в чём их главное отличие от нас россиян!

На второй день нашего пребывания на курорте я вызвал лифт, чтобы подняться в свой номер. Когда открылась дверь прибывшего лифта, и я машинально направился в его кабину, на пороге объявился чуть выше среднего роста, стройный, моих лет голубоглазый

мужчина немец. Непроизвольно встретились наши глаза. В тоже мгновение лицо незнакомца просияло искренней, тёплой улыбкой. Я сделал шаг в сторону, выпуская его из лифта, а мужчина, раскланиваясь в благодарности неизвестно за что, вышел из кабины лифта. Я медленно вошел в кабину, не торопясь нажал кнопку четвёртого этажа. Тихо зашумел подъёмными механизмами лифт, а я погрузился в мои думы. Мне в те мгновения вспомнился рассказ моего однополчанина артиллериста-разведчика Василия Потаповича Карелова. Разведчик-артиллерист в годы минувшей войны всегда находился на передовой. В его задачу входило наблюдение за полем боя и корректировка огня батареи, располагавшейся подальше от передовой и бившей по противнику с закрытых позиций. Однажды, следуя с наступавшей нашей матушкой пехотой, Василий Потапович ворвался в траншею немцев. Пехотинцы добивали спешно отступавшего противника, а он приступил к поиску места, откуда можно было бы видеть всё поле боя и передавать координаты огневых точек немцев. В конце длинной траншеи, на пригорке старший лейтенант заметил вход в добротный блиндаж. Знал он, что немцы часто устраивали свои блиндажи так, чтобы хорошо просматривались не только позиции наших войск, но и свои фланги и даже свой ближайший тыл. К тому же, в блиндаже не так слышен шум боя и проще вести разговор по полевому телефону, координируя огонь батарей артдивизиона. Поэтому, не мешкая, Василий Потапович направился в сторону немецкого блиндажа. Когда он подбежал к блиндажу и уже хотел было потянуть ручку двери, как та открылась, и на пороге объявился ладно скроенный немецкий офицер. Василий Потапович машинально ткнул ему в грудь ствол ППШ, а немец приставил к груди советского офицера пистолет. Оба воина могли в мгновение нажать на спусковой крючок, но этого не сделал ни тот, ни другой. Мгновение и немец повернулся налево, выскочил из траншеи, а Василий Потапович нырнул в блиндаж, прильнул к узкому окошку и стал изучать обстановку на поле боя. Почему не выстрелил в немецкого офицера Василий Потапович, заглянувший в самую глубину его голубых глаз, почему не выстрелил офицер немецкий в Василия Потаповича? Наш ветеран до сих пор не знает и сам, тем более не ведомо это было мне до той самой встречи в дверях лифта. Только в то самое мгновение ко мне пришла самая что ни на есть простая догадка – русский и немецкий офицеры, заглянувшие в глаза друг – друга, перед собой увидели не врага, а человека. Может быть, саму его человеческую душу. А я на пороге лифта увидел и был согрет теплом улыбки приятного, хорошо воспитанного человека.

Несколько дней не покидали меня воспоминания той неожиданной встречи. Сколько дум и размышлений вызвала у меня та случайная встреча! Однажды подумалось мне даже такое: «Он, этот немец, примерно, моих лет. Очень даже вероятно, что и его отец воевал на просторах России. Может быть даже, как и мой, где-нибудь погиб. А может быть его отец в январе 43-го сидел в занесенных снегом окопах на горе Огурец, что на границе Липецкой и Орловской областей, которую в составе 81 СД штурмовал мой отец, где и сложил свою голову...»

Через неделю пребывания на курорте наша дочь с мужем и внуком улетели в Москву. Придя на второй день в ресторан завтракать, за нашим столом мы с женой обнаружили новых соседей. Это была очень преклонных лет чета из Германии. «Гутен таг!»- сказал нам, с трудом усаживаясь за стол ветхий старикан. Улыбнувшись, поклоном

приветствовали и мы соседней по столу. «Этому далеко за девяносто», - сразу же подумал я, - он-то, наверняка, воевал...»

Боже! Какую ж цену пришлось заплатить нашим народам, через какие испытания надо было пройти, какие идеологизмы надо было нам на себе испробовать, чтобы нашим гражданам можно было свободно гостить друг у друга, вместе отдыхать и лечиться, по человечески обедать за одним столом, тепло, приветствуя друг-друга! В Мюнхене наш гид рассказал нам удивительную историю. После войны в Россию не вернулся солдат по имени Тимофей. Он, возможно, в тех местах оказался по причине пленения и побоялся возвращаться на Родину. Известно ведь каково приходилось нашим воинам, попавшим в плен, после возвращения на родину. Восстанавливая Мюнхен после жестоких бомбардировок нашими союзниками, немцы за городом устроили огромную свалку строительного мусора. Там и поселился наш солдат. Из всякого хлама соорудил он себе убогую избушку. Обломками досок, железок и проволоки оградил территорию. В конце шестидесятых власти Баварии приступили к подготовке к Мюнхенской олимпиаде 1972 года. Умные немцы очень рационально распорядились выделенными на олимпиаду деньгами. Решили возвести олимпийскую деревню и спортивные объекты на территории той самой свалки. Главный олимпийский стадион должен был строиться на том месте, где жил Тимофей. Но жители Мюнхена создали общественную организацию, которая встала на защиту жилища Тимофея. И что же вы думаете? Все объекты олимпиады немцы соорудили на территории той самой свалки, убрав высоченные горы всякого хлама, а домик Тимофея не тронули! Стадион построили в другом месте. Нашему Тимофею жители и власти Мюнхена стали оказывать всяческую помощь и заботу. А на столетие со дня его рождения к нему приехал с поздравлением и подарками сам мэр Мюнхена. Давно помер русский солдат Тимофей, а домик его до сих пор стоит, как исторический памятник нашему солдату... Всем известно как строятся олимпийские объекты у нас в Сочи, как переселялись сотни жителей Сочи, усадьбы которых пошли под бульдозеры олимпстроя!

3 Обслуживающий персонал

С гражданами Чехии, занятыми в обслуживании туристов, гостей в ресторанах, покупателей магазинов, проживании в отелях и прочими, мы столкнулись, как только вступили на борт самолёта чешских авиалиний. Встретивших нас на пороге лайнера в Шереметьево девушек и ребят, я не сразу принял за стюардесс и стюардов, ибо одеты они были не броско. Форма одежды у всех них фирменная, добротная и аккуратная, но скромная. Глянув на стюардессу, официанта ресторана или на горничную отеля, в начале кажется, что сотрудник из услуги одет в свою собственную, а не фирменную одежду. И только присмотревшись внимательно, видишь, что на человеке одежда служебная. Почему они все и везде одеты так не броско? Не знаю, но могу высказать своё предположение и мнение. Во-первых, это скромность и нежелание выпендриваясь, тратить лишние деньги. Во-вторых, выделяться им абсолютно не нужно, ведь здесь клиент или потребитель не ищет обслуживающий персонал, а персонал зорко следит за клиентом, и как только видит парень или девушка, что в его помощи нуждаются – мгновенно является, словно волшебник и, улыбаясь откровенной, не наигранной, не деланной улыбкой, спрашивает, в чём проблема, готовый мгновенно исполнить любую

твою просьбу. В первый день пребывания в отеле у меня возник вопрос в ресторане. Рядом проходил высокий молодой человек, одетый строго официально. Я подумал, что это один из менеджеров ресторана и, чтобы не отвлекать от дела шустро снующих с подносами официантов, обратился со своим вопросом к нему. Но этот парень, как я потом узнал, оказался сотрудником ресторана из числа не занятых непосредственно обслуживанием гостей. Он абсолютно не знает русского языка. Услышав обращение на незнакомом языке, молодой человек, мило улыбнувшись, раскланиваясь, сказал мне: «Van moment», - пулей метнулся к проходившему мимо официанту, схватил его, и, что-то объясняя бедолаге на чешском, поволок ко мне. При этом, тащил он ко мне не сопротивлявшегося официанта так быстро, как у нас волокут омовцы задержанных в автозак. Сотрудник ли рецепшен, официант ресторана, медицинская ли сестра, или главный врач, горничная или сама госпожа директор отеля, обращаясь к вам, приветливо здороваются, мило улыбаясь, спрашивают вас, в чём вы нуждаетесь. На рецепшен (не вахте) лечебного корпуса я обратился к медицинской сестре с вопросом, как пройти в бассейн. Очень занятая женщина, попросила свою коллегу продолжить заниматься обслуживаемым ею клиентом, вышла из-за своей рабочей стойки и повела меня показывать все бассейны, рассказывая на ходу об их особенностях и назначении. Обратись с подобным вопросом к нашей медицинской сестре, занятой приёмом больных. Что вы услышите? Правильно! Вежливо или грубо наша ответит, что она занята. В лучшем случае покажет или расскажет, куда надо идти, но чтобы бросить все свои дела и повести! Извините! Мы не таковские.

Все официанты ресторана расторопны, вежливы в обращении. Но всё - таки я обратил внимание на одну кареглазую, молодую девушку. Не могу ответить на вопрос, чем она мне выделилась среди остальных. Не знаю. Но когда она подошла к нашему столу и заговорила на чистейшем русском, я спросил её, почему она так хорошо говорит по-русски. Девушка ответила, что она из Украины. Как ни старается Галя быть учливой и вежливой в обслуживании нашего брата, всё-таки чем-то она отличается от работяг чехов.

4 питание

Много лет назад ездившие на экскурсию по профсоюзным путёвкам мои знакомые, восхищаясь чистотой улиц и городов, красотой Праги, были не довольны питанием. Да, кухня и режим питания здесь не наш, есть особенности и существенные. Ещё в день прибытия, подойдя с чемоданами к лифту первого этажа, моя благоверная своим острейшим нюхом услышала невероятно приятные запахи кухни. Ресторан находится на -1-м этаже. Опускаешься на -1-й и дверь лифта открывается в зале приличного ресторана. Прямо посередине от обеденного зала отгорожено большое пространство, где на плитах, на полках в центре и по окружности помещения перед завтраком, обедом и ужином раскладываются продукты питания. На тарелочках перед большими разного рода и калибра металлическими ёмкостями разложены салаты из десятка наименований фруктов, овощей и ягод. Справа от входа у повара можно попросить поджарить яшницу, тут же в специальных кастрюлях с подогревом бывает жареная и варёная картошка, пельмени, жаренные 2-3 сортов маленькие сосисочки или поджаренные котлетки размером с фрикадельку, грудка или бедро цыплёнка. Может находиться несколько сортов жареной рыбы и прочее и прочее. А как всё это приготовлено!... Напротив

размещены тоже специальные кастрюли с подогревом, в которые в обед наполняют супы и бульоны, тут же ёмкости для чая и стенд с десятками наименований чая в пакетиках. По другую сторону от входа помещение с холодными прилавками для мясных и рыбных деликатесов. Везде полно яблок, апельсинов, мандаринов, бананов, бывают груши, виноград и прочее и прочее. Каждый подходит, берёт тарелочку, накладывает себе сколько чего хочет, проходит в зал столы которого сервированы по первому разряду и, где кто хочет утром и в обед приземляется и трапезничает. И только ужинают все на отведенных менеджером местах. По этому поводу у нас случился казус. Приехали мы в отель к ужину. Менеджер разместил нас за столом, но не сказал, что на этих местах мы должны только ужинать. Приходит утром моя жена первой в ресторан, а на её месте сидит и уплетает завтрак женщина. Жена назад. Тут подошел я. Начали мы искать менеджера, чтобы разобраться с ситуацией. А женщина, вкушавшая завтрак на месте жены, за нами внимательно наблюдает и мило улыбается. Менеджера в зале во время завтрака не бывает, и я обратился к первому попавшемуся официанту. На ломаном русском тот объяснил нам, что к чему. Набрали мы с женой еды, приземлились за столик рядом с нашим. Немка, присутствие которой на месте жены мы испугались, мило улыбаясь стала что-то нам лопотать на немецком, объясняя ситуацию.

Едят чехи, да очевидно и все европейцы, вкусно, сытно и плотно утром и вечером. А вот обед бывает только лёгким. Практически одни фрукты, салатки и овощи. И ни каких напитков: ни чая, ни кофе, ни компота или сока. Впрочем, если хочешь, есть официант, который за дополнительную плату принесёт вам всё, что угодно вашей душе: сок и минеральную воду, пиво и вино любой марки и сорта. С первого дня я размышлял, почему они так обедают и пришел к выводу, что тут всё просто, практично и правильно. Ведь что значит сытно поесть в обед? Правильно! После обеда тебя уже клонит ко сну. А европейцы, особенно немцы, известные трудоголики, и сытный обед труженику ни к чему. Ну а хорошо поработавши день, в ужин все они и дают возможность своим желудкам насытиться по-настоящему. В пользу этой моей гипотезы говорит и то, что по субботам и воскресениям обеды бывают тоже сытными и разнообразными - день то не рабочий!

В один из дней недели в ресторане отеля на ужин бывает шведский стол. Если на каждый ужин в другие дни гости отеля блюдо заказывают накануне, то на этот день заказы не принимаются – выбирай всё, что хочешь на свой вкус и живот. И вот, на второй неделе здешнего пребывания пришли мы с женой на ужин. Как обычно набрали всякой вкуснятины, хорошо покушали, пошли, взяли по мороженому. Подошла официантка забирать со стола использованную нами посуду. Я попросил у неё ручку, чтобы заказать горячее на завтрашний ужин. Девушка попросила нас назвать блюда, какие мы выбрали и записала себе в блокнотик, сказавши, что записывать в листок заказа уже не надо. Девушка сделала запись, забрала с нашего стола посуду и удалилась. Мы доели вкусное шоколадное и типа нашего эскимо мороженое, стали собираться уходить. Но тут подлетела та самая записавшая наш заказ официантка с огромными тарелками и стала их ставить перед нами... Мы, уже от души поужинавшие, увидев в тарелках полкило говядины в тарелке жены и почти целую тушку большой форели с разными приправами в моей, не на шутку испугались. Съесть всё это мы уже ни как не могли. Но что же делать? Перепугалась, глядя на нас и официантка. Я стал извиняться и объяснять милой девушке, что мы хотели сделать заказ на завтра, сегодня мы уже сыты, что мы не знали, что завтра будет шведский стол и поэтому причинили ресторану такой вред. «Ноу вред, ноу! - вскрикнула девушка, поняв причину нашей реакции на поданное ею горячее: «Извинитэ, праститэ, спаасибоо, рестарана вред нета», - лопотала добродушно улыбаясь девушка, унося «тазики» с аппетитной, вкусно пахнущей едой.

Готовят здесь вкусно и разнообразно не только в ресторанах отелей. Есть в десятке километров от Марианских лазней небольшой городок с пивоваренным заводом и рестораном при нём. Ресторан того завода расположен в горной пещере. Пещера была

отрыта ещё в 1117 году. В середине 16 века в ней и была основана пивоварня. В нишах пещеры, как музейные реликвии, размещены орудия труда старых пивоваров, манекены тружеников заведения. Официантка прошлых веков с кружками пива на подносе и хмельной посетитель пивного заведения, как живые присутствуют там. В туннеле пещеры стоят удобные прекрасно сервированные столики, а официанты предлагают десятки наименований всяческой вкуснятины. Когда официант поставил передо мной тарелку размером с хороший поднос с жареным карпом, я, честно говоря, испугался такого количества еды. Но кружка отличного пива, и вкус приготовленного сделали своё дело. Так вкусно и сытно вчетвером мы поужинали всего за ... 2000 рублей, если чешские кроны перевести на наши рубли. Попутно замечу, что в тот вечер в ресторане как рядовой посетитель ужинал президент пивоваренного завода, чему мы были приятно удивлены. Официант нам поведал, что тут он бывает постоянно и ни чего особенного в этом нет, так у них делают все руководители.

В нашем отеле я с первого дня заметил небольшого росточка, в джинсовом костюме женщину. Видел её в СПА (лечебном) отделении, в ресторане, в библиотеке, встречал просто в коридорах отеля. В конце первой недели лечения у меня возникла необходимость обратиться к руководству отеля за одним нужным мне документом. Меня направили к директору отеля. И что ж вы думаете? Директором отеля оказалась та самая скромная, просто одетая женщина. Давно меня возмущает то обстоятельство, что наши российские руководители госструктур от самого маленького заведующего каким-то отделом и до президента страны исполняют свои руководящие обязанности исключительно на совещаниях. Возникла проблема-созывается совещание. Спрашивает крупный начальник своего подчинённого об исполнении какого-то поручения, и если тот отвечает что: «Такого-то числа я уже провёл по этому вопросу совещание...», ответ тут же принимается, как удовлетворительный. Совещание проведено, значит дело решено... А если какая-то проблема не решается, то тут же на совещании можно услышать такое решение: «У нас по этому направлению нет специального органа. Надо подумать и создать соответствующую структуру...» И насоздавали на сегодняшний день этих структур столько, что для управления ими уже надо создавать министерства в центре и на местах в регионах. В этом кроется, на мой взгляд, причина низкой эффективности наших органов власти с низу и до самого верха. В продвинутой во всех отношениях Европе руководители работают там, где делается работа или в тиши рабочего кабинета. Разве возможно у нас директора ресторана увидеть за одним столом со своими клиентами или в местах, где гости отеля проживают, отдыхают, получают не дёшево оплаченные услуги? Скорее рак на горе свистнет, как говорят у нас на Руси. Вот, очевидно, почему так поразному обслуживают клиентов и работают наши российские и здешние предприятия и заведения.

5 А как живётся в Европе человеку труда?

Из выше мною сказанного читателю уже ясно, что столь культурными, учтивыми и вежливыми обслуживающему персоналу, а это самые простые и низкооплачиваемые работники, приходится быть не только и столько в силу своей культуры. Это, прежде всего, жесткие требования к персоналу со стороны работодателей. И в этом нет ни чего плохого. Необходимость вежливости, расторопности, услужливости, аккуратности на работе, не может не перерасти в привычку, а потом и вообще в манеру, в культуру поведения человека и целого народа. Нам бы такую культуру работы и поведения!

Безработицы в стране, практически, как нам поведала экскурсовод Кристина, нет. Самыми высоко оплачиваемыми в стране из госслужащих являются учителя, врачи и полицейские. Врач зарабатывает не менее двух тысяч евро. Специалисты высокой квалификации, естественно, больше. Медицинская сестра – в среднем одну тысячу евро. Горничная отеля и официантка ресторана пятьсот пятьдесят - шестьсот евро. Продавцы магазинов минимум четыреста евро и выше, в зависимости от товарооборота торговой

точки, города и места её расположения, квалификации продавца и прочего. Пятидесятилетний строитель высокой квалификации Карл, выполняющий все строительные работы (каменная кладка, укладка плитки, штукатурные малярные работы и прочее) получает 130 крон в час. Это примерно тысячу двести пятьдесят евро в месяц.

Цены на продукты питания процентов на 15-20 выше наших, а промышленные товары, одежда и обувь немного дешевле, но качество этих товаров не китайское – европейское. Цена товаров также зависит от города и места расположения торговой точки в городе, как, собственно, и у нас. Очень дорого стоит бензин. 92-й от 2,2 евро. Очень дорого из-за этого стоят перевозки и транспорт. Нищие и попрошайки есть. Один мужчина чех лет шестидесяти, опрятно одетый, с длинной бородой и волосами в Марианских лазнях, вычислив нас новичков россиян, раскланиваясь и приветствуя на правах хозяина города, завёл разговор с нами о житье-бытье при коммунистах и теперешнем. Неожиданно он перешел на свою бедную жизнь пенсионера и о том, что у него не хватает денег на еду. Тут же он стал просить у нас 20 крон, зорко при этом, оглядываясь по сторонам, что не ускользнуло от меня. Шли мы с женой на питьевой бювет, денег у нас с собой, тем более крон, не было. Позже нам рассказали, что граждане Чехии, не имеющих средств для существования, обеспечиваются государством бесплатным жильём, одеждой, горячим питанием и прочим всем необходимым. Тех, кто попрошайничает, полиция отлавливает и за это они могут быть лишены государственной поддержки. В очень людных местах Праги попрошайки стелят на асфальт подстилку, становятся на неё коленями, голову кладут на землю, прикрывая её руками. Перед собою кладут кепку или какую-нибудь небольшую посудину. Некоторые имеют собак, которые не шевелясь лежат рядом с хозяином. Такая поза попрошаек, а это одни мужчины, женщины ни одной мы не видели, связана с тем, что город напичкан камерами наблюдения. И если попрошайка будет опознан, ему не поздоровится и он будет лишен господдержки. Полицейские в камеры попрошаек видят, но на улице забитой иностранными туристами их не трогают. Когда мы проходили мимо одного такого «нищего» мужчины лет пятидесяти без видимых изъянов в здоровье, он, плотно прикрывая лицо левой рукой, правой крепкой рукой на ощупь проверял содержимое своего картуза...

Все, кого мы ни спрашивали, хотели бы денег побольше, но на жизнь не жаловались. Почти все семьи имеют автомобили, дома или квартиры, имеют возможность учить детей. По всему видно, что уровень жизни населения гораздо выше, чем у нас россиян. Все предприятия этой маленькой европейской республики интегрировались в экономику Европы, давно технически перевооружились, успешно работают. Национальную валюту крону мудрые чехи сохранили, что защищает их финансовую систему от колебаний евро и всякого рода постоянных финансовых потрясений экономики европейского союза. Их «Шкода» давно под юрисдикцией Фольксвагена, осталось одно название многочисленных марок автомобилей этого завода, как, впрочем, и наши ГАЗ и ВАЗ.

Очень дорого в стране стоит тепло, вода и электричество. Электрическая энергии и отопление стоит здесь в два-три раза дороже, чем у нас. Это заставляет руководителей предприятий, учреждений, хозяев отелей и простых граждан тщательно экономить энергоресурсы.

Чехия, отнюдь не самая солнечная республика, но по пути из аэропорта и до Марианских лазней мы видели три больших поля солнечных батарей. Ночью курортный город не сияет огнями. Нет, улицы городка освещены нормально, но экономно. Не сияют огнями, как наши сытые коты автозаправочные станции, кафе и рестораны, витрины магазинов. Всё освещено, но настолько, насколько это необходимо. Номера в отеле освещены также с максимальной экономией. Освещаются те места в комнате, где освещение нужно: на столе стоит настольная лампа, у журнального столика и кресел – торшер, у настенного зеркала небольшая лампа, небольшие настольные лампы стоят и по обе стороны двуспальной кровати. У нас дома, в такой же по площади комнате под потолком висит люстра на шесть ламп. Номер отеля отпирается специальным

электронным ключом – карточкой. Отпираешь номер,ходишь, вставляешь ключ – карточку в специальный прибор у порога и в номере появляется электричество. Уходишь,забираешь с собою ключ-карточку и номер обесточен. Гаснут все осветительные приборы, обесточиваются все электророзетки. Скромно, но достаточно освещены коридоры отеля.

Отапливаются номера отеля батареями центрального (котельной отеля) отопления. Отопительная батарея номера и небольшая батарея ванной комнаты оборудованы специальным краном. С его помощью можно убавить или увеличить количество теплоносителя в батарее или перекрыть её вовсе при ненадобности. С февраля месяца мы с женой в нашей спальне ульяновской квартиры не закрывали балконную дверь – энергетика в тёплые солнечные дни жарили батареи так, что дотронувшись к одной, можно было получить ожог. Я спросил сантехников, обслуживающих наш дом, зачем так нас жарят. Оказывается в каком-то доме нашего квартала старые забитые трубы и если снизить давление и температуру теплоносителя, в том доме будет холодно...

Ещё более вопиющи у нас в Ульяновске безобразия с уличным освещением. Много лет бился я с нашими энергетиками по поводу сияния уличных фонарей при сияющем солнце по утрам. Чего только не ввали мне в отписках городские и областные чиновники (все их письма-враньё я храню в своём архиве). Писали, что включалось освещение для ремонта освещения, что пыльная буря засорила окна светодиода автоматического выключателя и всего один или два дня освещение выключалось не вовремя. Но ведь фонари сияли огнями на огромных проспектах до 8.30 утра целую неделю! Сколько по тем улицам и проспектам проезжало каждое утро на государственную и муниципальную службу разного рода чиновников? И почему ни кто из них не видел бесхозяйственности – я ни как в толк не возьму. Кому только я не звонил по этому поводу – всё было напрасно. И только, когда однажды случайно я дозвонился до господина Букина, работавшего в то время заместителем главы города, электрическое освещение на улицах Ульяновска стало гаснуть вовремя. Но! Построили в Ульяновске новый мост. Две недели огни вдоль двух его дорожных многокилометровых полотен сияли круглые сутки. Не знаю зачем. Может так салютовали новострою чиновники нашей очень «богатой и сытой» области? Потом по утрам вдоль дороги огни стали гасить, но как! Ровно на 30 минут позже того, как уже выключено освещение во всём городе. Опять я наивный стал бить тревогу, опять стал получать пустые отписки и отговорки. Написал главе региона. Получил отписки из десятка контор. Попытался позвонить опять господину Букину. Но он уже не стал ответственным за городское хозяйство и разговаривать со мною на эту тему не пожелал. Тогда написал я о нашем ульяновском безобразии президенту страны, посчитав, что раз мост президентский, может у него там и выключатель нашего моста находится, раз наши местные господа ни как не могут выключать освещение его моста во время. Крендлин отправил моё письмо в Ульяновск. И вот тогдашний министр энергетики области пишет мне лекцию о том, кто и как строил мост и его освещение, что там установлены автоматы включения и выключения, предусмотренные ГОСТом, а стало быть всё так и должно быть! Даже словом тот властвующий «умник» не обмолвился о том, что факт освещения дорог в светлое время суток явление не нормальное и надо бы дело как-то поправить. Раз по ГОСТу – так пусть огни огромных фонарей и сияют хоть круглые сутки, получается по логике нашего очень для области дорогого чиновника. И ведь это происходит, господа хорошие по сей день. Подсчитает кто-нибудь сколько целковых за эти годы сгорело понапрасну в тех фонариках? Будем ли мы когда-нибудь богатыми при такой бесхозяйственности? Кстати. С первых лет новой власти кто только не говорил и не писал в нашей стране о модернизации народного хозяйства, о путях развития экономики. Какие только программы развития не предлагались. Но ни кто и словом не обмолвился в нашей матушке Рассее о необходимости экономии всего и вся повсеместно! Ни кто! Даже в семи программных предвыборных статьях господина Путина не увидел я требования этого. Сейчас все экономисты и министры федерального правительства и президентской

администрации всполошились по поводу замедления темпов развития экономики и нехватки в бюджете средств. Но и сейчас ни кто и слова об экономии каждой копейки. Ни кто! А зря! Пошарь как следует по сусекам федеральной казны, всех региональных и городских бюджетов и набрали бы наши горе экономисты два, а то и три годовых бюджета дополнительно. Вот где зарыт бобик нашей нищеты, нашей бедности и неэффективности хозяйствования. Пишу об этом из сознания, что нужно во всю мочь кричать об этом, а сам боюсь. И знаете чего? А того, что услышав меня, наши господа чиновники могут вальнуть в маленькую, по уму управляемую Чехию сотни своих чиновников за изучением опыта, или насоздадут специальных контор или целых министерств по экономии финансовых и материальных ресурсов и тогда нашей российской экономике придёт окончательный если сказать по-немецки – капут!

Человеческая скромность всех граждан Чехии от простого работника до президента страны, деловитость, трудолюбие – вот что больше всего понравилось мне в этой благословенной стране. И на вопрос, вынесенный мною в заголовок этого раздела ответ у меня созрел короткий и однозначный. Живётся гражданам Чехии, как и любому труженику, любой страны, не легко, но ведь легко живётся только лентяям, бездельникам да тем, кто живёт чужим трудом. А Чехия упорно и плодотворно работает, с умом распоряжается всем, что имеет и радуется жизни.

В качестве короткого заключения

Как одно короткое мгновение пролетели две недели нашего пребывания во всемирно известной здравнице Марианские лазни. Нет необходимости говорить о том, понравилось-не понравилось здешнее пребывание. Хотя из-за желания быть здоровым, нормально ходить на своих собственных ногах, я бы мог поехать хоть к чёрту на его острые рога. Вот в чём главный для меня вопрос. А на него ответу коротко. Лечение помогло моим коленным суставам, а минеральная вода Каролина, которую мне прописал здешний доктор, в первые же дни ощутимо погнала песок из моих почек. К лечебным процедурам, назначенным доктором, следует прибавить и благотворное влияние купания в специальном бассейне с минеральной водой, в бассейне гидромассажа. Да и обычные бассейны открытый на свежем воздухе с подогретой водой и закрытый делали своё доброе дело в моём оздоровлении. Впрочем, на здоровье человека здесь работает всё: и немалый набор лечебных процедур, и пять наименований минеральных вод, и отношение людей, да и вся окружающая обстановка. Здесь всё радует глаз и формирует прекрасное настроение. Каждое утро, как только забрезжит рассвет и начинает светлеть восточная часть неба, где-то под окном начинает свои звонкие трели неугомонный соловей. А когда из-за невысокой, поросшей редким смешанным лесом горы выкатывает яркое солнце, всё вокруг преобразается, приходит в движение, и душа наполняется бодростью, какой-то необычной живительной силой.

Знаю, что всяк, читающий эти мои записки скажет, лечение в Европе это хорошо, но всем ли нам россиянам оно по карману? Да, хорошие услуги здешнего быта и лечение стоят не дёшево. Нашу с женой поездку сюда любезно профинансировали наша дочь и её муж. И, тем не менее, прикинул я, что если хорошенько напрячься, то можно было бы и самим оплатить все здешние расходы. Отели здесь есть очень дешёвые, а минеральная - бесплатна. Из Москвы мы летели до Праги. Но есть авиарейсы и до соседних Карловых вар. Но. Туда летают самолёты нашенского аэрофлота, стоимость услуг которого значительно дороже, а качество на столько же хуже. Я ни как не возьму в толк, почему дороже. Летают одни и те же боинги, расстояние одинаково, обслуживаются и направляются самолёты в одном и том же аэропорту. Оплата работы чешского экипажа самолёта значительно выше. Но тогда почему?

Находясь здесь, я постоянно задаю себе один и тот же большой для меня вопрос. Почему мы живём не так, как чехи, немцы да и все европейцы.? Ну почему у них так всё хорошо,

почему они такие добрые в отношении люди? У них ведь нет Газпрома и сокровищницы Сибири, у них очень мало пахотных земель.

И для себя я нашел один простой ответ. У них очень высока культура. Причём культура во всём: в работе, в поведении и в человеческих отношениях, в образовании, в управлении и прочем, и прочем. Они не объявляют свои города культурными столицами, а во всём насаждают культуру и имеют потрясающий результат. Власти Баварии как могут сдерживают цены на продукты питания и на культуру. Билеты в музеи, библиотеки, на печатную продукцию, в кино стоят до смешного дёшево. Ещё одна отличительная черта европейца от россиянина заключается в том, что житель Европы везде с книгой, журналом или газетой. Даже на лежаках плавательного бассейна все немцы читают. Однажды в лифте лет сорока наш соотечественник, начал распалиться по поводу плохого обслуживания в отеле. «Ни за что больше не приеду сюда! Три недели прожил в отеле, ни разу не поменяли халат и полотенца!» - громко говорил он. И тут, в разговор вмешалась скромно одетая, невысокого роста женщина. Наша бывшая соотечественница немка сказала злопыхателю, что нужно было бы в первый же день проживания внимательно прочесть памятку гостя отеля. Там написано, что если вы хотите поменять полотенце или халат – бросьте его на пол у двери. А если хотите поменять постельные принадлежности, не заправляйте утром кровать, сложив всё на край кровати. Меняйте всё хоть каждый день... Нашего фраера подвело отсутствие привычки читать. Только из-за этого три недели он пользовался несменяемым постельным бельём, набором полотенец и халатом...

Радует меня, что и в России ещё есть такие уголки культуры поведения граждан. Я уже писал как-то о чистоте в населённых пунктах нашей Липецкой области. Побывав там недавно в самом отдалённом её уголке, в полузаброшенной деревеньке что в трёхстах метров от границы с Орловской областью, я поразился тому, что там нет на улицах, в лесу, на берегу чудесной речки пустых бутылок, разного рода упаковок, ветер не гоняет по полям обрывки полиэтилена. А какие у липчан прекрасные дороги!

У дома, что на самой окраине деревни, я увидел контейнерный бак для мусора (Не удержался и сфотографировал его), а на мой вопрос, почему здесь ни кто не сорит, преклонных лет бабуля, жительница той деревушки, мне коротко ответила: «А пусть попробуют кто-нибудь бросить на улице бамажку али акурок. Наш глава посёлка ему такое устроить...»

Проехав не один посёлок области и сам областной Липецк, я не видел ни одного лозунга, призывавшего бы липчан на субботники по уборке улиц. Но зато на каждом шагу видны призывы не сорить, соблюдать чистоту и благодарность жителям за соблюдение оной... Может когда-нибудь и дорогая мне наша Ульяновская область будет такой? Да. Будет непременно! Не зря же глава нашей области пытается сделать её культурной столицей. Необходимость осознана, задача поставлена. Дело за малым...

Чехия. Марианские лазни.

Апрель 2013г.